

К читателю

Введение

Истоки отчуждения людей. Тогда и теперь

"Ложь мыслью" по авве Дорофею

**Подозрительность – причина самообмана или самообман –
подозрительности?**

Как найти свое лицо? Чьей жизнью живет подозрительный человек?

Искать себя

Преграды и помощь на пути к себе

**Зачем люди лгут. "Ложь словом" по авве Дорофею и как к ней относится Дейл
Карнеги**

Какие мотивы поведения людей выделяют психологи

Самая безотказная "педадь"

Во лжи обвиняется современная цивилизация. Человек или манипулятор?

Как становятся манипуляторами

Рыночные отношения делают человека вещью

**Игра на струнках тщеславия. Стремление "понравиться людям" и основы
нынешней цивилизации**

Вести беседу или контролировать разговор?

Искренняя лесть или льстивая искренность?

"Новый образ жизни"

Когда лукавство – принцип жизни. "Манипуляторы" в каждом из нас

Неискренность в близких отношениях

Возможно ли в этом мире совсем избежать лжи

"Ложь словом" и "ложь жизнью" по авве Дорофею

Ложь и "полуправда". Выбор пути – не лгать

Насколько позитивна роль конфликтов?

Почему и лесть, и цинизм одинаково лживы

Как развиваются конфликты. "Конфликтология" аввы Дорофея

"Смущение" и "раздражение"

Во что перерастает раздражение?

В чем состоит "злопамятность"?

Преодоление конфликтов. Замолчать и смириться

Простить и примириться

"Пролить кровь свою..."

"Педагогика" аввы Дорофея. Смущение "дымится и бросает искры..."

Кто подкладывает дрова в огонь

Что приходит на смену "пламени"

**Бог и вера в жизни современного человека. Где прибежище от жестокости
мира**

Смирение, или "снятие усилия"?

На службе обществу – неверующий священник?

Религия без Бога современной западной цивилизации

Путь, Истина и Жизнь... В чем же все-таки смысл жизни

"постиндустриальных" странах особенно подает повод для серьезной озабоченности врачам-психиатрам.

Внутренняя установка на уклонение от личного контакта, по сути дела, приводит к тому же результату, что и всякая ложь, разрушающая прежде всего подлинные взаимоотношения людей. Более того, перестав видеть в окружающих людях их личностную глубину, человек просто теряет чувство реальности: он уже не понимает, почему ложь хуже правды. Ведь это когда люди общаются с глубокой душевной открытостью, правдивость сближает их, а любая попытка покривить душой отдаляет друг от друга. Когда же их общение поверхностно-формально, то правдивость обесценивается, а ложь, напротив, перестает страшить потерей взаимной близости – нельзя потерять то, чего нет...

Христианские отцы Церкви всегда подчеркивали эту главную опасность лжи, которая обрывает межличностную связь между людьми и связь человека с Богом. Разумеется, проблема лжи "тогда" не стояла так широко, как теперь, ложь не была настолько общепринятой формой общения, как в наши дни. Тем не менее по своей внутренней структуре этот порок одинаков во все времена.

В этой связи представляет интерес поучение о том, что не должно лгать, преподобного аввы Дорофея (Пучение 9). Поэтому прежде чем разобраться в этической системе Дейла Карнеги, имеет смысл уточнить позиции, на которых стоит христианское святоотеческое нравоучение. Преподобный Дорофей жил в конце VI – начале VII века, и его беседы адресовались монахам, находившимся в общем жительстве. Для нас ценно, что они рассчитаны на людей, связанных общим образом жизни и общим трудом, и поэтому они достаточно близки большинству наших современников, работающих или учащихся в тесном соприкосновении с окружающими их людьми.

Патриархальный быт явные признаки своего отмирания стал подавать лишь каких-то 100-150 лет назад. Жизнь людей при подобном укладе была полностью замкнута на внутрисемейный круг и хорошо характеризовалась известным афоризмом: "Мой дом – моя крепость". Социальные отношения в "киновиях" и "лаврах", населенных собравшимися туда для совместного духовного и телесного труда монахами, тогда были исключением. Теперь такой тип социальных отношений стал повсеместной реальностью жизни. Теперь каждый человек не меньше половины своего времени проводит в "коллективе" людей, случайно оказавшихся вместе: группа детского сада, школьный класс, производственный коллектив, больничная палата, очередь, туристическая группа, – да мало ли еще что, всего не перечислишь. И везде человек так или иначе общается с окружающими "случайными" людьми, с которыми его сближает лишь общее дело или место. Как это не покажется странным человеку, вступающему в XXI век, наша стремительная жизнь, очень далекая по характеру социальных связей от патриархального уклада, достаточно близка к монашеским "республикам" VI или VII веков. Тогда только монастыри представляли собой сообщество не связанных родственными узами людей или не являющихся со-рабами, со-ратниками, но в то же время которые строили свои весьма тесные взаимоотношения на принципах полного взаимного равенства.

"Хочу вам, братия, вспомнить несколько о лжи, ибо я вижу, что вы не очень стараетесь удерживать язык свой, отчего мы легко увлекаемся во многое зло", – начинает девятое поучение авва Дорофей. И далее, со свойственной ему ясностью мышления и склонностью к классификациям, он разделяет ложь на типы: "Есть три

различных вида лжи: иной лжет мыслью, другой лжет словом, а иной лжет самую жизнью своею".

"Ложь мыслью" по авве Дорофееву

В чем именно состоит ложь мыслью, подробно авва Дорофей раскрывает на двух примерах. Первый – из его собственной жизни, когда в начале иноческого пути у него вдруг появилось искушение "по движениям и по походке человека заключать о его душевном устройении". Но он вовремя получил вразумление от старца: "Никогда не верь своим догадкам, ибо кривое правило и прямое делает кривым". Действительно, если сама человеческая природа повреждена грехом, то ей опасно доверять. "Мнения людей (то есть те заключения о других, которые могут быть сделаны только на основании собственного опыта) ложны и вредят тому, кто предается им" – эту мысль святого старца авва Дорофей усвоил сам и передал ученикам.

Другой пример показывает, как далеко может зайти любой человек, если увлечется собственной способностью "провидеть" то, что у людей на душе, прежде всего дурное, особенно, если у него появится уверенность в непогрешимости своей проницательности. Одному из братьев монастыря, который страдал таким самомнением, – рассказал авва Дорофей, – просто-напросто привиделось, что другой брат ворует из сада спелые смоквы (плоды инжира). Потерпеть он такого, конечно, не мог – не для того он постоянно всех выслеживал и высматривал, кто чем занимается – и он поспешил доложить игумену. Разбирательство, однако, выявило, что подозреваемый брат вовсе отсутствовал в то утро в монастыре. "Ничто, – заключает авва Дорофей, – так не удаляет человека от Бога и от внимания к своим грехам и не побуждает его всегда любопытствовать о бесполезном ему, как сия страсть".

Как всегда, с некоторой долей юмора авва Дорофей показывает, в чем проявляется состояние подозрительности, как теперь иногда говорят "закомплексованного" человека, которому кажется, что все на него смотрят или потихоньку над ним посмеиваются. "...Такой, когда видит, что кто-нибудь беседует с братом своим, делает свои догадки и говорит: он обо мне беседует. Если прекращают беседу, он опять предполагает, что ради него прекратили беседу. Если кто скажет слово, то он подозревает, что оно сказано для оскорбления его. Вообще, в каждом деле он постоянно, таким образом, замечает за ближним, говоря: он ради меня это сделал, он ради меня это сказал, он это сделал для того-то. Таковой лжет мыслью, ибо он ничего истинного не говорит, но все по одному подозрению, а от сего происходят: любопытство, злословие, подслушивания, вражда, осуждения".

Понятно, что подобное обостренное восприятие всех событий через призму собственной персоны – плохой советчик в любых делах. Но несчастный, заиклившись на себе человек может этого не понимать и принимать все свои фантазии за чистую монету. Авва Дорофей рассматривает и такую ситуацию, когда новоначальный инок свою болезненную зависимость от мнения всех и каждого пытается использовать для самоконтроля. Это тоже не может привести ни к чему хорошему. "Бывает, что иной, желая, как он говорит, исправлять себя, уже постоянно (за всем) замечает, думая: если кто-нибудь говорит обо мне, то мне надобно знать, какое мое согрешение, за которое он меня осуждает, и я буду исправляться. Во-первых, уже и начало сего от лукавого, ибо он начал ложью: не зная подлинно, придумал то, чего не знал; а как "может древо зло плоды добры творити?" (Мф. 7, 18).

Если уж действительно искать средств своего исправления, – заключает преподобный, – то для этого есть прямые пути. "А говорить: я верю своим догадкам для исправления себя, и с этой целью подслушивать и любопытствовать – это есть самооправдание, внушаемое дьяволом, который желает строить нам козни".

Необходимость критического отношения к любому своему сложившемуся мнению авва Дорофей подчеркивает полушутливой гиперболой: "И так с тех пор, когда помысл говорил мне о солнце, что это солнце, или о тьме, что это тьма, я не верил ему..." Но этим он лишь еще раз обращает внимание на то, сколь серьезна опасность "действительно видеть вещи, коих нет и быть не может". Безусловно и то, что у аввы Дорофея речь все время шла об опасности ошибиться не в физических, а в нравственных вещах. Поэтому и здесь, когда он говорит о "тьме" и "солнце", то прежде всего имеет в виду обычное для библейско-христианской символики обозначение под этими понятиями зла и добра.

Подозрительность причина самообмана или самообман – подозрительности?

Задумаемся над тем, чего, собственно, хотел добиться брат, которого привел в пример авва Дорофей, в своем объяснении, что такое ложь мыслью. Этот брат "однажды, вошедши в сад, высматривал, – ибо он всегда подсматривал и подслушивал", – характеризует его рассказчик. В чем он всех подозревал? О чем были его догадки? В каких предположениях он был настолько уверен, что "ему казалось, что дело происходит непременно так, как представляет ему помысл его, и не может быть иначе"? Войдя в пустой сад, он очень хотел встретить "нарушителя" монастырского устава, который бы там тайком ел смоквы. И он увидел то, что хотел...

Почему ему так нужно было кого-то уличить в грехе? Ответ простой: в тот момент весь смысл своего существования он видел в изобличении порока. Ясно, что в его сознании когда-то произошла трагическая подмена ложным пониманием подлинного ощущения себя, своих взаимоотношений с Богом и людьми. Его стремление к правде и справедливости уродливо обернулось присвоением себе роли судьи над чужими грехами, причем судьи, отнюдь не бесстрастного, но жаждущего карать и наказывать.

Мы вполне можем допустить противоположную ситуацию в том же монастырском саду. Игумен или сам авва Дорофей мог действительно застать не мнимого, а реального "нарушителя", соблазнившегося спелыми плодами. Как бы он поступил? Не пускаясь в небезопасные догадки, совершенно определенно можно сказать, что его решение было бы основано на сострадании к человеческой слабости и на трезвой оценке размеров "преступления" и всех возможных путей его последующего осознания.

Во всяком случае, авва Дорофей дает нам пример аналогичного игуменского решения. Но на этот раз, правда, "виновником" оказался не "похититель смокв", а тот самый брат, одержимый страстью подозрительности. Игумен, "созвав всю братию, по окончании литургии со слезами рассказал им о случившемся и обличил брата пред всеми, (желая) достигнуть сим троякой пользы: во-первых, посрамить дьявола и обличить сеющего такие подозрения; во-вторых, чтобы чрез сие посрамление был прощен грех брата и чтобы он получил от Бога помощь на будущее время, и, в-третьих, чтобы утвердить братию – никогда не верить своим мнениям".

Эта троякая цель игумена содержит ответ на главный вопрос: как освободиться от подозрительности?

Посрамить диавола – значит раскрыть обман "отца лжи" (Ин. 8,44). Обличить его – это и означает сорвать личину, скрывающую его демоническую сущность, то есть выявить действительные истоки семян подозрения – ведь сам-то брат, увлеченный поиском "преступников", был уверен в полной своей правоте. То, что брат обманулся в саду, – результат всей его настроенности на подозрительность. Однако, в свою очередь, ее причина – в подмене подлинного предстояния перед Богом ложными целями, которая в какой-то момент в нем произошла, когда вся его жизнь сузилась до изобличения порока в других. Так что получается: подозрительность и причина, и следствие лжи и самообмана. Это – порочный замкнутый круг.

Посрамить диавола поэтому и означает разорвать этот круг, чтобы все, и в первую очередь брат, более других пострадавший от диавольского обольщения, осознали смысл происшедшего. И тогда придет и покаяние, и прощение, и помощь Божия.

Как найти свое лицо?

Чьей жизнью живет подозрительный человек?

Вернемся еще раз к внутреннему состоянию человека, страдающего повышенной подозрительностью. Он как в древнегреческом театре надевает на себя маску судьи и вдруг начинает видеть смысл своей жизни в изобличении ошибок и грехов других людей.

Почему авва Дорофей мог смело сказать, что эта страсть более других страстей удаляет человека от Бога? Святой отец подчеркивал потерю внимания к своим грехам, которая неизбежна для подозрительного. Но можно сказать и больше.

Подозрительный человек вообще перестает замечать самого себя, поскольку всё его внимание, все его интересы сосредоточились не в собственной душе, не в том, что реально составляет его жизнь, а в других. Он как бесчувственный механизм, работающий от заведенной пружины, единственная функция которого – выискивать в людях недостатки. Жизнь других, заполнившая поле его сознания, на самом деле эфемерна, она не может заменить ему собственной жизни, которую он "проскальзывает", не замечая.

Здесь уместно вспомнить глубинную разницу между иметь и быть: можно, как предупреждает Спаситель, приобрести и иметь весь мир, но не получить от этого никакой пользы (Мф. 16, 26). Ведь само по себе это не преобразит внутреннего существа человека, он остается тем, чем был. Подозрительный стремится распоряжаться чем-то чужим, что никогда не составит его реального существа. В то же время он бросает то, что действительно имеет, что он есть – собственную внутреннюю жизнь. В результате он теряет одно и не приобретает другого. От человека остается как бы только оболочка, выполняющая внешние функции, а душа не в ней, но где-то растеклась и рассеялась в предметах его интересов... Мысль о том, как важно жить собственной, а не чужой жизнью, не раз высказывалась одним из самых ярких проповедников сегодняшнего христианского мира – митрополитом Антонием Сурожским. Владыка Антоний всегда подчеркивает, что "молитва по своей сути – встреча, встреча души и Бога; но для того чтобы встреча была реальной, обе личности, которые в ней участвуют, должны быть действительно самими собой".

В нашем случае подозрительность как никакая другая страсть, по слову аввы Дорофея, удаляет человека от Бога. Человек, страдающий ею, живущий чьей-то чужой, а не своей жизнью, в точности соответствует всему, что митрополит Антоний говорит о выдуманных, неподлинных отношениях с Богом: "Мы думаем, что обращаемся к Богу, а на деле обращаемся к образу Бога, созданному нашим воображением; и мы думаем, что стоим перед Ним со всей правдивостью, тогда как на деле выставляем вместо себя кого-то, кто не является нашим подлинным "я", – актера, подставное лицо, театральная персонаж".

К сожалению, очевидно также и то, что люди, не подверженные подозрительности в такой мере, все же не могут пребывать в спокойствии за себя, они не могут быть уверены, что не лгут мыслью в чем-то другом. "Каждый из нас, продолжает владыка Антоний, – представляет собой в одно и то же время несколько разных личностей. Мы бываем различными в зависимости от обстоятельств и окружения: разные лица, встречающиеся с нами, знают в нас совершенно различных людей, по русской поговорке: "Молодец против овец, а против молодца и сам овца". Как часто это бывает: каждый из нас может вспомнить среди своих знакомых даму, которая сама любезность с чужими и сущая фурия у себя дома, или грозного начальника, который в семейном кругу – воплощение кротости".

Так, начав с маски "подозрительного судьи", мы обнаружили, что кроме нее есть еще другие бесчисленные маски, которые люди иногда примеривают на себя, а иногда носят не снимая, так что уже сами не помнят своего подлинного лица...

Искать себя

Как найти в себе свое подлинное "я"? Для христианина этот вопрос стоит особенно остро, поскольку требуется решить, "какая из наших личностей должна выступить для встречи с Богом. Это непросто, – подчеркивает митрополит Антоний Сурожский, – потому что мы настолько не привыкли быть самими собой, что искренне не знаем, которая из всех личностей и есть это подлинное "я"".

Кроме того, всегда остается опасность: во множестве вариаций задавать вопрос "кто я на самом деле?" и при этом никак не пытаться сдвинуться с места. Поэтому люди особенно ценят, когда перед их глазами кто-то уже нашел путь и идет по нему, когда путь этот убеждает своей конкретностью или по крайней мере тем, что по нему можно идти! Владыка Антоний здесь, как всегда, находит самый прямой, хотя не самый легкий путь: "Если бы мы посвящали несколько минут в день на то, чтобы вдуматься в свои поступки и отношения с людьми, то, возможно, очень приблизились бы к открытию этого; мы заметили бы, каким человеком мы были при встрече с таким-то и таким-то и кем – уже совсем другим, – когда делали то или это. И мы могли бы спросить себя: когда же я был действительно самим собой".

В самом деле, если мы хотим что-то найти, надо искать, а не сидеть сложа руки. Это же самое относится и к поиску подлинного самоощущения в себе. "Если вы заглянете в самих себя, продолжает митрополит Антоний, – и решитесь спросить себя, как часто вы поступаете, исходя из самых глубин своей личности, как часто вы выражаете свое истинное "я", то увидите, что это бывает очень редко. Может быть, никогда, может быть, лишь на долю секунды или до известной степени при особых обстоятельствах, с определенными людьми".

Человеку так необходимы эти минуты, в которые он остается только наедине с собой, со своим внутренним миром, он пытается разобраться, "навести порядок" в себе, разложить на "свои места" все свои представления о жизни, влечения, обязанности, ответственность за близких. "Слишком часто, – еще раз убеждает в необходимости такой самопроверки владыка Антоний, – мы погружены в разные пустяки, которые окружают нас: так вот, в течение этого времени, этих кратких минут сосредоточенности надо оставить все, что не является жизненно важным".

Поэтому митрополит Антоний приглашает каждого к совершенно конкретному шагу, чтобы начать необходимое для встречи с Богом возвращение в себя: "Итак, давайте приступим к этому и каждый вечер в течение недели будем молиться такими, очень простыми словами:

"Помоги мне. Боже, освободиться от всего поддельного и найти мое подлинное "я"".

Преграды и помощь на пути к себе

И здесь человек встречается с первыми искушениями. "В эти пять или десять минут, которые вы можете выделить, – продолжает свою мысль Сурожский митрополит, – а я уверен, что на протяжении дня это может каждый, вы обнаружите, что нет для вас ничего более скучного, чем остаться наедине с самим собой". В самом деле, если мы обычно живем как бы отраженной жизнью, если и самая жизнь, которая в нас, вовсе не наша, а жизнь других людей, то собственный наш мир убог и неинтересен даже для нас самих.

И как только человек пытается углубиться в себя, ему становится скучно. Возникает желание "отвлечься", чтобы внимание было чем-то захвачено, разумеется, – какими-то внешними впечатлениями, – чтобы было интересно. Секунда – и включен телевизор, музыка или открыт развлекательный роман! Как преодолеть это первое препятствие на пути обратно в себя?

Митрополит Антоний не боится ответов честных, может быть разочаровывающих надежду на быстрый успех. "Вы рискуете, конечно, в таком случае, что вам будет скучно наедине с самим собой; ну что ж, пусть будет скучно". Так уверенно можно говорить, если точно знаешь, что за скукой откроется то, что вознаградит упорство! И особенно убедителен он, когда поиск подлинного "я" в глубинах собственной души сравнивает с постепенным раскрытием закрашенной фрески.

Даже если первая встреча с собой разочаровала, "это не означает, что ничего не остается в нас, – обнадеживает он, – потому что в глубине нашего существа мы созданы по образу Божию и это совлечение всего ненужного очень похоже на расчистку прекрасной древней стеной живописи или картины великого мастера, которую в течение веков, поверх подлинной красоты, созданной мастером, закрашивали лишние вкуса люди. Сначала чем больше расчищаем, тем больше появляется пустоты, и нам кажется, что мы только напортили там, где было хоть несколько красоты; пусть немного, но хоть сколько-то. А затем мы начинаем открывать подлинную красоту, которую великий мастер вложил в свое произведение; мы видим убожество, затем промежуточную путаницу, но в то же время можем предугадать и подлинную красоту".

Пустота, которую встретил в себе человек, его пугает. Если он со всей глубиной сможет осознать, что эти нищета и убожество – единственное, чем он реально владеет, а всё внешнее это – не его, ему не принадлежит, то он станет искать, что же подлинно наполнит его жизнью, а не призраками жизни. "И тогда мы обнаруживаем, – продолжает владыка Антоний, – что мы такое: убогое существо, которое нуждается в Боге, но нуждается в Нем не для того, чтобы заполнить пустоту, а для того, чтобы встретиться с Ним".

Случайно ли у митрополита Антония подчеркнуто различие между "заполнением" душевной пустоты и встречей с Богом? "Заполнить" пустоту – значит искать радость только для себя, а "встреча" – радость взаимного общения. "Заполнить" бесконечность человеческой глубины не возможно никакими внешними развлечениями и удовольствиями, хотя люди очень спешат "забить" ими хранилища своей души. Но все это оказывается мертвым ненужным грузом. Только встреча с Богом никогда не обесценится в своей трепетности и живой радости, потому, что Он – сама Красота и сама Любовь.

Трудно учиться жить собственной, а не чужой жизнью, приходится заставлять себя даже несколько минут побыть наедине с собой. Но на пути обратно к себе человек встречает не только преграды и трудности, он встречает также и то, что неожиданно помогает ему. "Горе и радость, эти два великих дара Божиих, часто бывают моментом встречи с самим собой, когда мы оставляем все свои обезьяньи уловки и становимся неуязвимыми, недостижимыми для всей лжи жизни".

Цель не лгать самому себе, найти в себе подлинное "я", таким образом, может достигаться разными средствами. Авва Дорофей поучал учеников тотчас обращать лукавые помышления в добрые, как только они посеваются в нас по причине порочности нашей. Лукавыми помышлениями он называл "свои догадки, которым, если верить, то им и конца не будет, и они никогда не попустят душе быть мирною". Понятно, что речь идет не только о подозрительности, опустошающей душу, но о всякой маске, карикатурно шаржирующей какую-либо социальную функцию, которой человек заслоняет свое подлинное "я". Чтобы выполнить наставление святого старца и обращать лукавые помышления в добрые, надо со здоровым критицизмом относиться к себе: ко всем догадкам и умозаключениям, а также ко всему своему поведению во взаимоотношении с людьми. Если в душе обнаружались дурные или подозрительные мысли о ком-либо, глупо тут же спешно менять их на противоположные: "Нет, он хороший!" Это будет такая же выдумка и необоснованная фантазия. Единственно, что в этой ситуации можно утверждать на все сто процентов: меня занимают подозрения, – а это плохо, от них надо избавляться!

Из всего разнообразия лжи мыслью, то есть ошибочного принятия одной из своих "ролей" в жизни за подлинного себя, маска "подозрительного судьи" распознается легче других. Здесь уже сам факт присутствия в душе смутительных подозрений должен прямо сигнализировать нам, что с нами не все в порядке. Надо исповедать это греховное состояние, попросить у Господа прощения в нем и освобождения от него, а затем в дальнейшем старательно избегать подобного. Но и все другие маски будут распознаны и совлечены, если выполнять то, чему учат святые отцы, и обращаться за помощью к Богу.

Зачем люди лгут.

"Ложь словом" по авве Дорофею
и как к ней относится Дейл Карнеги

Если ложь мыслью в соответствии с 9-м поучением преподобного аввы Дорофея состоит в непреднамеренной подмене себя подлинного некоей "ролью", в которой человек хотел бы себя видеть, то ложь словом – это уже сознательное искажение действительности. Поэтому, следуя подходу преподобного Дорофея, можно было бы рассмотрение второго типа лжи озаглавить вопросом; кому ложь выгодна?

Для объяснения, что такое ложь словом, авва Дорофей, естественно, обращается к жизненным реалиям, с которыми постоянно имели дело его ученики, то есть к особенностям быта его монастыря. "А словом лжет тот, – разъясняет он, – кто, например, от уныния поленившись встать на бдение, не говорит: "Прости меня, что я поленился встать", но говорит: "У меня был жар, я до крайности утомился работою, не в силах был встать, был нездоров", и говорит десять лживых слов для того, чтобы не сделать одного поклона и не смириться. Опять, если он пожелает чего-нибудь, то не хочет сказать: "Я этого желаю", но все извращает слова свои, говоря: "У меня такая-то болезнь, и это мне нужно; это мне приказано", и лжет до тех пор, пока не удовлетворит своему желанию".

Авва Дорофей прямо называет три причины, побуждающие людей лгать, которые также являются основой всякого греха. Это, во-первых, сластолюбие, то есть стремление исполнить всякое свое желание: во-вторых, сребролюбие – стремление к приобретению материальных ценностей: и, в-третьих, славолубие, которое в случае с иноками аввы Дорофея выражалось в нежелании смириться.

Само собой разумеется, что отношение к лжи словом, как и ко всякой лжи, у аввы Дорофея отрицательное. Хотя это и очевидно, об этом приходится напоминать, потому что в мире, окружающем нас, ложь слишком часто возводится в ранг добродетели. Американский "специалист в области человеческих отношений" Дейл Карнеги, например, совсем по-другому трактует то, что авва Дорофей называет ложью словом.

Дейл Карнеги с большим интересом отыскивает мотивы, которыми люди руководствуются в своем поведении. Но, в отличие от аввы Дорофея, он это делает не с целью указать причины лжи, а, напротив, с целью воспользоваться человеческими слабостями. Карнеги не прочь поддержать людей в их желании выдать желаемое за действительное, он с готовностью предлагает им именно ту ложь, которой они хотят обманывать себя и других. Разумеется, он это делает не бескорыстно, а с целью извлечь для себя определенную пользу.

Какие мотивы поведения людей выделяют психологи

Вопрос о том, какими мотивами люди руководствуются в своих поступках, особо интересен для Карнеги, поскольку он учит ими пользоваться. В книге "Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей" он перечисляет следующие восемь "основных" желаний:

"Почти каждый нормальный взрослый человек хочет:

1. здоровья и сохранения жизни;
2. пищи;
3. сна;
4. денег и вещей, которые можно приобрести за деньги;

5. жизни в загробном мире;
6. сексуального удовлетворения;
7. благополучия своих детей;
8. сознания собственной значительности".

Не будучи специалистом ни в психологии, ни тем более в богословии, Карнеги, как мы видим, с легкостью допускает смешение желаний, мотивированных страхом что-то потерять с желаниями получить удовольствие, которые и наука, и богословие обычно четко разделяют. Возможно, в своей книге, рассчитанной на весьма популярный уровень, он решил не перегружать читателя излишней четкостью определений. Однако если слегка подправить этот недостаток, то получается вполне ясная картина.

К желаниям, мотивированным страхом, из перечисленных им мотивов относятся: желание здоровья и сохранения жизни, которое приходит либо когда человека постигает болезнь, либо по причине страха потерять здоровье и жизнь – оно обусловлено телесно-биологической природой человека: желание благополучия своим детям обусловлено страхом неблагополучия и связано с эмоциональной сферой души: наконец, желание жизни в загробном мире мотивировано мистическим страхом смерти, являющимся ярко выраженным результатом первородного греха – оно возникает в высшей сфере проявлений человека – на уровне его духа и самосознания.

Те же три сферы человеческой жизни задействованы и в желаниях удовольствия, которое способно приносить удовлетворение реальных или мнимых потребностей человека. К уровню биологического функционирования относится: желание сна, пищи, сексуального удовлетворения. К душевно-эмоциональному уровню – желание денег и вещей, которые можно приобрести за деньги. Наконец, к уровню духа и самосознания относится желание сознавать собственную значительность.

Фундаментальная наука и христианская аскетика не считают желания, мотивированные страхом, основными, подлинно руководящими поведением людей. Окружающая жизнь сплошь и рядом показывает, что, когда возникает коллизия между ними и желаниями удовольствия, люди легко приносят их в жертву последним. Но Карнеги, как уже было сказано, писал не научное исследование, а руководство, как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей, ему важны были не только ведущие, но и менее заметные мотивы.

Помимо собственной классификации мотивов человеческого поведения, Карнеги приводит еще два варианта, принадлежащих ученым: психологу Зигмунду Фрейдю и философу Джону Дьюи. Мы можем все эти варианты сравнить с тем, какой дает авва Дорофей. Собственно, классификация древнего нравоучителя основана на Новом Завете и соответствует двухтысячелетней христианской традиции: "Как всякий грех происходит или от сластолюбия, или от сребролюбия, или от славолюбия, так и ложь бывает от этих трех причин".

Авва Дорофей не рассматривает естественные потребности и мотивы, обусловленные страхом их не осуществить. В его поле зрения – ситуация, когда целью становится не поддержание жизни, а исключительно удовольствие при удовлетворении реальных или надуманных потребностей. Определив три типа

страстей, он в точности следует евангелисту Иоанну Богослову: "Кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего" (1Ин. 2, 16). В данном случае библейское понятие "мир" означает совокупность мирового зла. Важно, что и у евангелиста, и у писателя VII века мы встречаемся с тремя уже знакомыми нам уровнями человеческой жизни: телесный – похоть плоти, сластолюбие; душевно-эмоциональный – похоть очей, сребролюбие; духовно-умственный гордость житейская, славолубие.

Зигмунд Фрейд, основатель одного из самых модных направлений психологии XX века психоанализа – сократил число мотивов, лежащих в основе всех наших поступков, до двух: сексуальное влечение и желание стать великим. А цитируемый Дейлом Карнеги американец Джон Дьюи, один из основателей философии прагматизма, вообще считает самым глубоким стремлением, присущим человеческой природе, "желание быть значительным". "Запомните это выражение: "желание быть значительным", с нескрываемым торжеством указывает Карнеги. – Это существенно. Вы много прочтете об этом в данной книге".

Самая безотказная "педадь"

Итак, Карнеги нашел страсть, воздействуя на которую можно безотказно добиваться искомого им результата. "Почти все желания удовлетворяются, – замечает он, – все, кроме одного. Одно желание, почти столь же сильное и властное, как желание пищи и сна, редко осуществляется. Это то, что Фрейд называет "желанием быть великим", а Дьюи – "желанием стать значительным". Обычно Карнеги все свои утверждения иллюстрирует примерами из жизни бизнесменов и президентов. Чтобы подчеркнуть силу этого желания он обращается к аргументу, хотя неожиданному, но очень точно соответствующему учению о страстях христианской аскетики, о чем он едва ли подозревал сам. Карнеги показывает, к чему может привести страсть "быть великим", если человек не сможет смириться с ее неосуществимостью. Он говорит о душевнобольных: "В общем, ненормальные люди счастливее нас с вами. Многим из них нравится быть ненормальными. А почему бы и нет? Они разрешили все свои проблемы. Они выпишут вам чек на миллион долларов или дадут рекомендательное письмо к Ага-хану. В созданном ими мире грез они обретают сознание значительности, которого столь страстно желали".

Если всерьез отнестись к этим строкам Дейла Карнеги, не лишенным традиционно грубоватого американского юмора, то причиной помешательства он однозначно считает все ту же неутоленную гордыню. Помимо спорного тезиса о безмятежном счастье помутившихся рассудком людей он как американец делает из этого весьма оптимистичный вывод: "Если некоторые так жаждут подобного сознания, что действительно сходят с ума, чтобы обрести его, то, представьте себе, каких удивительных вещей мы с вами можем достичь, давая людям подлинное понимание этой стороны безумия".

Как мы видим, не желание предостеречь своих читателей от столь печального исхода и не сострадание к несчастным душевнобольным побудило его вспомнить о них. Карнеги совсем не скрывает своего рода особое удовольствие, что этой страстью можно легко манипулировать, он даже готов поделиться этим удовольствием с читателями. Однако приведенный им факт наводит и на серьезные размышления.

Потерявшие рассудок люди, как утверждает Карнеги, живут в "созданном ими мире грез", что очень похоже на правду. Но в "мире грез" живут не только пациенты

психиатров. В соответствии с христианским нравственно-аскетическим учением все, кто потерял свое собственное "я", растворившись своими желаниями, страстями подозрениями и представлениями в том, что вокруг, а не в них, – все обманывают себя. Где же тогда кончается душевное здоровье и начинается болезнь? И кого в таком случае можно считать здоровым? Все это очень точно соответствует учению святых отцов Церкви о грехе как болезни человеческого духа: человек рождается зараженным этой болезнью, но от него самого зависит, позволяет ли он развиваться и прогрессировать греховной болезни в его душе.

Во лжи обвиняется современная цивилизация. Человек или манипулятор?

Карнеги без всякого смущения учил Америку оказывать влияние на людей и в качестве рычагов и педалей управления использовать их страсти и прежде всего гордость и тщеславие.

Но порой его откровенность все же переходит все границы: "Каждое лето я езжу в Мэн на рыбную ловлю. Я лично очень люблю землянику со сливками, но обнаружил, что по какой-то странной причине рыба предпочитает червей.

Поэтому когда я еду на рыбалку, то не думаю о том, чего сам хочу. Я думаю о том, чего хочет рыба. Я не насаживаю на крючок в качестве приманки землянику со сливками, а подманиваю рыбу червяком или кузнечиком, говоря: "Не хочешь ли попробовать?" Почему бы нам не поступать столь же разумно, чтобы привлечь к себе людей?"

Может показаться, что Карнеги очень рискует, когда привлечение к себе людей сравнивает с приманиванием рыбы на удочку, – ведь читатели могут обидеться! Однако ничуть не бывало! Он все рассчитал. Зная человеческое свойство оценивать себя завышено, он не боится сравнивать с рыбалкой завоевание друзей... на свой крючок. Не боится, потому что уверен, что каждый его читатель, затаив дыхание отыскивающий секреты влияния на людей, конечно же отождествит себя не с рыбой, а с рыболовом и ему будет втайне приятно встретить такое сравнение. Будучи сам таким, Карнеги уверен, что каждый человек так же думает и чувствует. И уж можно быть уверенным, на его крючок будет насажен не кузнечик и даже не земляника со сливками, а льстивые слова и комплименты, которые всегда найдут отклик в душе тщеславного человека...

Конечно, можно много критиковать такой подход к людям, приравнивающий их к глупой рыбе, которая попадает на удочку. Можно, напротив, оставить последнее высказывание Карнеги "без комментариев" как полное саморазоблачение. Но мы поступим по-другому. За оценкой позиции Карнеги мы обратимся к другому американцу, психологу Эверетту Шостром. Шостром дал весьма недвусмысленное название своей книге: "Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор".

Под манипулятором обычно подразумевают либо механизм для перемещения изделий или предметов, работающий, как правило, в экстремальных условиях, где человек не может находиться, например, в зоне повышенной радиации, либо фокусника в цирке. Манипуляция изначально – это движение рук (от латинского слова *manipulus* – горсть). Шостром критикует Карнеги за то, что разработанный им шаблон поведения превращает человека в механизм, запрограммированный на определенные функции. "Манипулятор, – иронично замечает Шостром, – видит жизнь, как крысиные бега". Этим Шостром хочет сказать, что вместо того, чтобы жить

собственной жизнью, манипулятор все время "делает ставки" в выдуманной им игре и пытается управлять ее исходом.

Эверетт Шостром выносит прямо-таки беспощадный приговор современной культуре человеческих отношений, коренящейся в западно-европейской и американской цивилизации: "Современный человек – это манипулятор, кем бы он ни был – продавцом автомобилей уговаривающим нас совершить покупку, отцом ли пятнадцатилетнего сына, уверенным в том, что он, и только он, знает, какую карьеру следует делать сыну; подростком ли, обрабатывающим взрослых ради 200-долларовых часов, или мужем, скрывающим свою зарплату от жены... Манипуляторов – легион. В каждом из нас живет манипулятор, который бесконечно применяет всяческие фальшивые трюки с тем, чтобы добиться для себя того или иного блага".

Как мы видим, словом "манипулятор" Шостром называет всякого, кто пытается исподволь управлять другими, добивается от них чего-то, что ему нужно, да так, чтобы они были уверены, что делают это исключительно по собственному желанию. Во всех четырех примерах, приведенных Шостромом, общим признаком является личная корыстная цель, которую преследует человек-"манипулятор". Он хочет получить для себя какую-то выгоду, какое-то благо. Это делает человека "манипулятором".

Как становятся манипуляторами

Эверетт Шостром предлагает свою типологию причин манипуляции. Конечно, все, что он называет, в гораздо более тонкой и детальной разработке имеется в аскетических трудах святых отцов христианской традиции. Тем более интересно посмотреть, как ученый-психолог середины XX века интерпретирует типы болезней человеческого духа. Всего Шостром насчитывает пять основных причин, заставляющих людей манипулировать друг другом. При этом, управляя людьми как вещами, и сами манипуляторы неизбежно превращаются в роботов. Поэтому все пять причин обозначены Шостромом с целью отыскать выход из ситуации, в которой человек становится рабом самого себя.

Причина, которую Шостром называет первой, недоверие себе и другим, приводящее к постоянному стремлению контролировать и управлять ситуацией. На языке христианской традиции такое состояние человека обычно определяется как недоверие Богу, неверие в Его заботу о человеке и мире. Возможно ли в этом случае перестать быть манипулятором? Если это христианин, то ему необходимо положиться на Бога и довериться Его Промыслу. А что остается агностику, не знающему Бога, который, реалистично оценивая других и себя, не видит ни в ком оснований для доверия? Как в этом случае ему перестать контролировать ситуацию и управлять ею? Поистине, чтобы это сделать, у него остается один выход – стать верующим...

Вторая причина манипуляций, названная Шостромом, – подмена любви, которую заслужить непросто, властью, которую можно завоевать насильно. Шостром говорит, что заслужить любовь нам мешает лжепостулат, что чем мы лучше, чем совершеннее, тем достойнее любви. При провале этой ложной установки появляется стремление подменить недостигнутое к себе отношение любви со стороны человека полным подчинением его себе, превращением его в свою вещь, то есть подмена любви властью. Это значит, что, если нам трудно на самом деле стать лучше, мы

стараясь поднять себя хотя бы в собственных глазах: мы согласны вместо признания-любви принимать признание-подчинение.

Каким понятием передается в библейском мышлении и языке христианской традиции это негативное состояние? Это – гордыня в сочетании с уверенностью, что чем более я превозношусь, тем более достоин любви. В то время как все обстоит полностью наоборот – чем более человек смиряется, то есть признается в собственном несовершенстве, тем более он симпатичен людям. Поэтому христианину для того, чтобы в этой ситуации отказаться от манипуляций, требуется, во-первых, самому себе признаться в собственных слабостях и несоответствии своему призванию. Во-вторых, он должен выполнить евангельскую заповедь о нищете духовной (Мф. 5, 3), то есть, реалистично признав все свое несовершенство перед Богом, просить Его только о милости и снисхождении. Что касается агностика, то ему остается лишь последовать совету Шострома и признаваться в собственных человеческих слабостях, если только это осуществимо...

Третья причина относится к манипулированию людьми путем демонстрации своей пассивности. Здесь причина в чувстве беспомощности перед жизненными проблемами. Человек переживает острую обиду на весь мир, когда ощущает собственную немощь, и в результате, выражая своего рода протест, он отказывается от активного участия во всех своих проблемах. Именно неконтролируемый всплеск такого состояния – причина большинства самоубийств. С христианской точки зрения это перекалывание ответственности с себя на других, обвинение в своей неудаче всех, включая Бога, только не себя самого. Христианину, оказавшемуся в подобном состоянии, необходимо побороть малодушие прямой просьбой к Богу, может быть из глубин отчаяния, чтобы Он вошел в эту безвыходную ситуацию и Сам ее разрешил. Неверующему не остается ничего другого, как перестать чувствовать свою беспомощность, несмотря на риск и неопределенность, окружающие его со всех сторон. Но возможно ли это?

Четвертой причиной манипуляций Шостром называет страх межличностных контактов и стремление уклониться от открытого общения. Человек пытается скрыть себя подлинного под маской любых наигранных эмоций, он прячется за этикетом или распространенными шаблонами поведения. Он никому не может довериться, его страшит затруднительное положение, потому что показывает его беспомощным и открытым взору всех. В людях он видит только источник агрессии, ему не приходит в голову, что в каждом из людей присутствует образ Божий, какой он ощущает в себе, но во всем мире кроме собственной персоны он ни в ком не видит цели, а только средство для достижения комфорта. На языке христианской библейской традиции такое греховное состояние называется гордыней; ей сопутствуют глубочайшее одиночество и отчужденность.

Христианину, если он обнаружил себя в подобном греховном состоянии, следует причину своего страха людей искать в недостаточной любви к Богу и доверии Ему; признать, что каждого человека Бог любит бесконечной крестной любовью, такой же, как и меня. Агностик же для того, чтобы покончить с манипулированием, если его причина в этом, по совету Шострома, должен просто в один прекрасный момент перестать бояться открывать людям свое затруднительное положение. Но откуда взять мужество?

Пятой причиной манипуляции Шостром называет стремление получить одобрение всех и каждого. Одобрение требуется для того, чтобы заполнить отсутствие внутренней уверенности в правильности своих поступков и вообще своего состояния.

Поэтому человек в своих взаимоотношениях с людьми всеми способами стремится добиться от них одобрения. Христианская традиция подобное состояние называет тщеславием, стремлением постоянно получать приятное чувство признания, славы от максимально большего числа людей.

Рыночные отношения делают человека вещью

Рыночные отношения создала сама жизнь. Людям свойственно искать пути удовлетворения своих потребностей, причем реализовать их один, без помощи других людей, человек не в состоянии. Условия нашей жизни определяются тем, что человеческая природа повреждена первородным грехом. Поэтому в основе общепринятых отношений может лежать одно из двух: либо человек решает свои проблемы за счет других и в ущерб другим, либо – на взаимовыгодных условиях. В нашем мире, "лежащем во зле" (1Ин. 5, 19), единственной реальной альтернативой рынку, таким образом, остается только насилие и полное подавление человеческого достоинства в других. Понятно, какой выбор сделает человек, если в нем не слишком развиты уголовные наклонности, – он выберет Рынок.

Однако и Рынок – это далеко не лучший вариант решения всех проблем человеческого рода. Это, так сказать, наименьшее зло в ситуации отказа от активной борьбы с корнем зла – человеческой греховностью. Развившись из простой взаимопомощи людей, выгодной всем, и обмена самым необходимым, рыночные отношения сегодня выросли в гигантскую машину, приводящую в непрерывное движение весь земной шар. Всё включено в непрекращающееся взаимодействие: производство, торговля, банки, законы, правительства, мода, развлечения... Каждый человек неизбежно становится маленьким винтиком в этой всемирной машине и выполняет в ней ту или иную функцию. Никто из людей не в силах остановить хода этого гигантского монстра, а объединиться всем вместе против него не возможно, поскольку греховность воли каждого препятствует общему единодушию. Бездушная машина экономики превращает богоподобную личность человека всего лишь в функциональную деталь глобального мертвого механизма.

В условиях рынка взаимоотношения людей неизбежно теряют личностный характер и каждый человек из индивидуальности становится безликим "потребителем", поскольку любая функция в тотальной экономике в конечном итоге сводится к оплате труда и приобретению за деньги всего необходимого для жизни. Эверетт Шостром остро осознает эту трагедию человечества. "Главная задача рынка, – прямо говорит он, – добиться от людей того, чтобы они были вещами! И – небезуспешно. В условиях рынка человек уже не столько человек, сколько потребитель. Для торговца он – покупатель. Для портного – костюм. Для коммивояжера – банковский счет".

Машина рыночных отношений сумела сделать своим приводным ремнем также и саму человеческую индивидуальность. Люди ведь все равно остаются людьми, каждый хочет остаться личностью, единственной и неповторимой. Люди протестуют против обезличивающих их рынка. И здесь за дело принимается уже Реклама. Суть рекламы в том, чтобы задеть в нас какие-то личностные струнки, говоря языком Карнеги, найти приманку, чтобы подцепить на свой крючок. Срабатывают те самые восемь желаний, которые подметил Карнеги. "Я не хочу быть "головой" у моего парикмахера, – возмущается автор "Анти-Карнеги", – я хочу везде и всюду быть Эвереттом Шостромом цельной личностью. Мы все хотим быть особенными, – констатирует он, – когда попадаем на крючок коммерческой мысли, которая стремится разрушить до основания именно нашу "особенность"". Очаровательная,

прокрадывающаяся в душу рекламная улыбка прикрывает все ту же холодную сталь экономической машины, обезличивающей нас и манипулирующей нашими страстями как собственными шестеренками.

Бизнесмен неизбежно перестает замечать в человеке личность, он видит в нем лишь средство для делания денег. Возможно ли в условиях рынка добиться значительного успеха в бизнесе без манипулирования людьми как вещами? Реальность жизни скорее свидетельствует об обратном. Шостром видит главную трагедию современности в том, что "...бизнес – это один из могущественных институтов американской культуры, а манипуляции – привычный способ для любого бизнесмена добиться успеха".

Но может быть не все так мрачно? Ведь надо еще разобраться. "Законы бизнеса и личной жизни различны, и может быть то, что плохо в отношениях между близкими людьми, хорошо для бизнесменов?" – пытается не упустить последнюю надежду Шостром. И приходит к неутешительному выводу: "Мы знаем, что манипуляции опасны и разрушительны для межличностных отношений. Вспомним, что манипулятор относится к людям как к вещам, но и сам при этом становится вещью". И уже как врач он свидетельствует: "Многие примеры для этой книги мне подарили бизнесмены, которые искали у меня помощи при решении проблем их личной жизни. Это не случайно большая часть бизнесменов, крайне благополучных в делах, оказывались столь же неблагополучными в личной жизни. Будучи ловкими дельцами, они оказывались беззащитными перед проблемами семейными или в общении с друзьями".

Как же все-таки в условиях рыночной психологии разрешать противоречие между бизнесом, манипулирующим личностью, и стремлением подлинно личностных отношений, которое заложено Богом в нашу природу? Шостром сознается, что, являясь директором института, он и сам – бизнесмен, и, по сути дела, уклоняется от ответа: "С одной стороны, американский образ жизни и ныне действующая мораль предлагают нам быть настойчивыми и агрессивными и убирать конкурентов со своего пути. С другой стороны, деятели церкви внушают нам смирение, любовь к ближнему, которая куда важнее и человечнее конкуренции. Современный манипулятор глубоко чувствует это противоречие".

Ответ на этот вопрос, естественно, надо искать не у современных "пророков" или обличителей американского образа жизни, а в Евангелии. Нагорная проповедь Христа ставит все на свои места: "Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить: или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне" (Мф. 6, 24). "Маммона", запоминающееся арамейское слово, оставленное без перевода во всех языках, на которые переведен Новый Завет, означает обожествленное богатство, страсть к накопительству. Сегодня маммоной можно было бы назвать и всемирную экономическую систему, превращающую людей в своих покорных рабов.

Христианин служит одному Богу, поэтому идет наперекор системе, требующей от него включиться в тотальную цепь манипуляций людьми. Кем бы он ни был, чем бы ни занимался, к каждому человеку он относится как к бесконечно любимому Богом, настолько, что за него Сын Божий предал Себя на смерть. Поэтому, если он бизнесмен и оказался перед дилеммой, перед которой рано или поздно должен был оказаться: поступить ли как обычная "капиталистическая акула" или себе в убыток остаться человеком – он не будет раздумывать. Он служит Богу, а не маммоне.

Игра на струнках тщеславия. Стремление "понравиться людям" и основы нынешней цивилизации

Собственное открытие главной страсти в человеке, "безотказной педали", которая всегда срабатывает, Дейл Карнеги подает своим читателям очень эффектно: "Существует один важнейший закон человеческого поведения. Подчиняясь этому закону, мы почти никогда не попадаем в беду. Фактически этот закон при условии его соблюдения приносит нам бесчисленных друзей и неизменное счастье. Но стоит нам нарушить его, и мы тут же навлечем на себя бесконечные беды. Закон этот таков: всегда внушайте своему собеседнику сознание его значительности".

"Закон" Карнеги между тем подает повод к размышлению. Если человек хочет стать "значительным" или чтобы его "оценили по достоинству", то удовлетворен ли он тем, как к нему люди относятся сейчас? Понятно, что нет. Но вся беда в том, что он никогда не удовлетворится, как бы его ни превозносили. Такова богоподобная душа человека, которая остается пустой, сколько бы и чем бы ее ни наполняли. Она настолько необъятноеместилище, что только Бог может заполнить ее всю до конца, совсем, не оставив пустоты. Уже на основании одного этого мы должны были бы сделать решительный для себя вывод: оставить поиск славы от людей и искать славы, которая от Бога (Ин. 5,44).

Дейл Карнеги продолжает апологию открытого им "закона", обращаясь к авторитету американских философов и психологов: "Профессор Джон Дьюи, как мы уже отмечали, говорил, что глубочайшим стремлением, присущим человеческой природе, является желание быть значительным, а профессор Уильям Джеймс утверждает: "Глубочайшим свойством людей является страстное стремление быть оцененными по достоинству". Как я уже указывал, именно это стремление отличает нас от животных. Именно оно лежит в основе самой цивилизации".

По-видимому, Карнеги все же не делает различия между быть значительным и быть оцененным по достоинству. Невольно возникает еще один вопрос: можно ли это считать одним и тем же? Стремление выглядеть более значительным в глазах других, то есть быть высоко оцененным ими (и даже выглядеть значительным в своих собственных глазах) и стремление стать действительно иным, стать на самом деле лучше – это одно и то же или нет? Безусловно, разница между быть и казаться весьма существенна. Но для Карнеги вопрос стоит совсем не так. Ему совершенно сейчас не важна реальная значительность тех, кому он собирается делать комплименты. Важно воспользоваться их желанием быть высоко оцененными, чтобы получить ответное расположение. Так он пользуется тем, что, по его словам, лежит в основе самой цивилизации.

Вести беседу или контролировать разговор?

И вот Карнеги учит, как надо обращаться с такими "объектами", желающими быть значительными, чтобы завоевать их дружбу: "Поэтому, если вы стремитесь быть хорошим собеседником, будьте внимательным слушателем. Как утверждает супруга Чарльза Нортхема Ли, "чтобы быть интересным, нужно быть заинтересованным"". Но что же в этом плохого? – возразит всякий и будет совершенно прав. Умение слушать, быть "внимательным слушателем" действительно необходимо для подлинного межличностного контакта. В какой же момент Карнеги с этой бесспорно правильной

позиции соскальзывает на путь манипуляций, препятствующих искреннему общению людей?

"Задавайте вопросы, на которые другому человеку приятно будет отвечать, – продолжает он. – Поощряйте его к тому, чтобы он рассказывал о себе и о своих достижениях". А эта корректировка беседы, которую учит делать Карнеги, чтобы "понравиться людям", – уже прямая манипуляция! Да это и никакая не беседа! Это – подзадориваемый манипулятором монолог лишь ее одного участника, который упоен собой и слышит одного себя. А сам манипулятор в глубине души может потирать руки от удовольствия и потихоньку над ним посмеивается. Ведь не для того он "разогрел" своего собеседника, чтобы действительно слушать его самовлюбленный бред – он просто "завоевывает" себе очередного "друга", который ему может пригодиться.

Ну а после этого Карнеги с еще большей откровенностью сознается, что, собственно, он думает о тех, с кем приходится вести такого рода беседы. Кому-то, безусловно, его откровенность покажется граничащей с цинизмом: "Помните, что человека, с которым вы разговариваете, в сто раз больше интересует он сам, его нужды и его проблемы, чем вы и ваши проблемы. Его зубная боль имеет для него большее значение, чем голода Китае, от которого умирает миллион людей. Фурункулы у него на шее интересуют его больше, чем сорок землетрясений в Африке. Подумайте об этом в следующий раз, когда вы вступите в беседу. Итак, если вы хотите понравиться людям, соблюдайте правило: будьте хорошим слушателем. Поощряйте других говорить о самих себе".

Это – наиболее уязвимый момент в "наставлениях" Дейла Карнеги: критики его, как правило, замечают в первую очередь. Российские психологи В. П. Зинченко и Ю. М. Жуков, представляя соотечественникам книгу американского "знатока человеческих отношений", позволили себе заметить: "Система "правил Карнеги" содержит в себе неувязки, а иной раз самые настоящие противоречия. Попытка следовать всем правилам сразу может оказаться неудачной. Попробуйте одновременно реализовать принцип "будь искренен в выражении своих чувств" и принцип "веди разговор в русле интересов собеседника" в случае, когда интересы собеседника вам неинтересны, здесь явное противоречие".

Эверетт Шостром в отличие от них критикует не формальные противоречия в правилах Карнеги, а то, к чему ведут его советы. А ведут они к замене личного контакта его бессмысленной имитацией, которая на деле еще глубже отчуждает людей друг от друга. "Истинный личный контакт невозможен без риска" – заявляет Шостром.

Чем же "рискует" человек, когда сознательно в свою душу допускает другого и ожидает взаимности? Он знает, что другой, будучи свободной личностью, может принять, а может отвергнуть его и глубоко ранить его незащищенное, исполненное открытости сердце. Манипулятор, напротив, боясь риска, даже и не пытается вступить в межличностное общение, но обходится поверхностным разговором "о погоде". Он уходит от риска быть отринутым, но одновременно лишает себя встречи с другим лицом к лицу. Едва ли мелкое самодовольство манипулятора может быть полноценной заменой радости, которую приносит взаимное глубоко личностное узнавание людей друг другом, условие которого – полностью открытый контакт.

Шостром поэтому и говорит, что "манипулятор, который предпочитает не рисковать, вполне обходится полуконтактами. Куда удобнее, думается ему, контролировать

окружающих, чем взаимодействовать с ними. Поэтому он не вступает в беседу, а контролирует ее". Шостром очень точно подмечает, чем, собственно, занят манипулятор, когда ведет разговор: "Он должен выбрать тему разговора, потом оценить расклад сил, то есть в процессе беседы он скорее оценивает происходящее, чем слушает. Он не пытается понять, зато всеми силами стремится убедить. Если аудитория по каким-либо причинам ему не подходит, он уйдет от контакта веками протоптанной дорожкой, то есть ограничит разговор общепринятыми фразами на "безопасные темы", например замечаниями о погоде".

Искренняя лесть или льстивая искренность?

При всех недвусмысленных наставлениях завоевывать друзей манипулятивными комплиментами Карнеги отдает себе отчет в том, на что он покушается. Истина – ценность "номер один" христианства, которая за две тысячи лет глубоко укоренилась в мироощущении людей. Европейская культура хотя бы в подсознательных основах пока еще остается христианской, и человек, к ней принадлежащий, никогда не скажет прямо в лоб, что лесть и неискренность это хорошо, а правдивость – плохо.

И Карнеги не может с этим не считаться. О, он тоже горячо осуждает лесть! "Лесть – это фальшь и, подобно фальшивым деньгам, которые вы попытались бы сбыть, может в конце концов довести до беды", – разъясняет он пагубность этого порока на языке, хорошо понятном его читателям-бизнесменам. А что касается его собственных советов как завоевывать друзей, то на этот счет у него припасена концепция, не лишенная правдоподобия даже в свете строгой христианской морали. То, что на первый взгляд кажется лестью, еще какой добродетелью может оказаться! Все приемы "понравиться людям", которые Карнеги выводит в своей книге, он представляет в качестве законного "признания достоинств" в окружающих.

"В чем разница между признанием достоинств и лестью? – спрашивает он и спешит объяснить: – На этот вопрос легко ответить. Признание искренне, а лесть лицемерна. Первое исходит от сердца, вторая – только из уст. Первое бескорыстно, вторая же эгоистична. Первым все восхищаются, вторую все осуждают. Нет! Нет! Нет! – трижды отрекается он от малейших симпатий к льстивости. – Я вовсе не рекомендую вам прибегать к лести. Ничуть. Я веду речь о новом образе жизни. Позвольте мне повториться. Я веду речь о новом образе жизни". Прежде чем рассмотреть новый образ жизни, проповедуемый Карнеги, имеет смысл выяснить вопрос о лести и "признании достоинств". Если мы зададимся вопросом, с какой целью люди прибегают к лести, то должны будем ответить: чтобы от этого получить какую-то выгоду, которая может выражаться в самых неожиданных формах. Но давайте чуть разоведем собственную мысль Карнеги, который приравнивает лесть к фальшивым деньгам. К чему в таком случае можно приравнять "признание достоинства"? В его системе мышления признание достоинств сравнивать больше не с чем, как только тоже с денежными знаками, но только не фальшивыми, а по праву находящимися в обороте, за которые смело можно покупать все, что хочешь. Но, как известно, деньги для человека представляют ценность не сами по себе, а потому что в обмен на них мы получаем необходимый товар. Значит, за "бескорыстным" признанием достоинства все-таки притаилась мысль о товаре, какая-то определенно меркантильная цель.

Лукавство здесь в том, что признак, по которому Карнеги проводит сравнение между лестью и признанием достоинства, – это всего лишь степень искренности того и другого. Если же сравнить с точки зрения побуждения, с которым делается то и

другое, то различие между ними исчезнет. Какая разница между грубой лестью и "бескорыстным" признанием достоинства, если в обоих случаях за ними стоят неискренние мотивы! Можно ли называть бескорыстными пусть даже заслуженные комплименты, если человек их делает, не раскрывая полностью себя другому, оставляя в глубине себя расчеты на расположение и дружбу того, кому он говорит приятные слова?

Уже приводившиеся выше российские критики Дейла Карнеги В. П. Зинченко и Ю. М. Жуков здесь встают на защиту позиций теоретика американского образа жизни. "Нередко Карнеги обвиняют в том, что он учит людей искусству делать комплименты, науке изощренной лести. Данные обвинения зиждутся на неправильном понимании пафоса книги, – возражают авторы предисловия к ее русскому изданию. – То, о чем ведет речь Карнеги, на современном языке называют наградой, а не комплиментом. Комплимент есть незаслуженная похвала, а награда – похвала Заслуженная. Нет ничего легче, чем научиться дежурным комплиментом, говоря женщинам, что они хорошо выглядят, а мужчинам – что они умны. Для того чтобы поступать так, можно не видеть другого человека и не слушать его. Умение же награждать основано на внимании к другому человеку, потому что во внешности, поведении и словах другого человека надо найти и отметить то, что действительно достойно похвалы..."

"Новый образ жизни"

Теперь пришла пора вернуться к "новому образу жизни", подаренному Дейлом Карнеги американцам, который теперь является одной из составляющих американизации, интенсивно ведущейся в пределах бывшей Страны Советов. Понятно, что "карнегизация всей страны" (это выражение московских издателей книги Шострома) – не самое худшее, что она несет с собой. А кстати, тот же Эверетт Шостром как врач и психолог уже в достаточной мере видел плоды этого нового образа жизни, приводящего человека к глубочайшему одиночеству и полному отчуждению от всех.

"Новый образ жизни Карнеги" несет с собой прежде всего легкость и комфортность в общении. "Манипуляторы, привыкшие считать окружающих марионетками, – объясняет природу этой раскованности Шостром, – не испытывают особых сложностей в установлении контакта. "Следует только дернуть за ту или иную веревочку, – думают они, – и контакт с этим человеком установлен"". Но мы уже имели возможность убедиться, какова действительная ценность такого "контакта". "Новый образ жизни", по Карнеги, – это закрытое манипулятивное общение с людьми, в котором самой ходовой "валютой" становится "признание достоинства"; с точки же зрения мотивов и конечных целей оно ничем не отличается от грубой лести.

Манипулятор совершает трагическую ошибку, когда подлинное личностное общение он подменяет игрой на тщеславии и других человеческих страстях. Он не принимает участия в жизни другого человека, которое может обогатить его собственную жизнь новым содержанием любви и ответственности. Установленный им контакт не становится подлинным событием его жизни. Манипулятор только наблюдает со стороны, как реагирует на "потягивание" тех или иных "нитей" души тот, кем он пытается управлять как предметом, хотя и одушевленным. И в конце концов он остается в полном и безнадежном одиночестве, мучительном от того, что в себе самом он уже окончательно потерял все пути к душе другого.

"Новый образ жизни", к которому призывает Карнеги, – это жизнь, лишенная глубокого личностного общения людей, жизнь, наполненная бесконечным

рассчитыванием каждого своего шага для того, чтобы скрыть свои подлинные цели и незаметно для окружающих превратить их в послушных исполнителей своей воли.

В середине 50-х годов XX столетия американский философ и психолог действительно первой величины – Эрих Фромм – предупреждал: "Сегодня человек стоит перед самым главным выбором: это выбор не между капитализмом и коммунизмом, а между роботизмом (как в его капиталистической, так и коммунистической форме) и гуманистическим коммунитарным социализмом. В XIX веке, – поясняет он, – бесчеловечность означала жестокость, в XX – она означает шизоидное самоотчуждение. В прошлом опасность состояла в том, что люди становились рабами. Опасность будущего в том, что люди могут стать роботами. Правда, роботы не восстают. Однако если им придать человеческий характер, то они не могут жить и оставаться здоровыми, они разрушают свой мир и самих себя, так как более не могут выносить бессмысленную скуку".

Заключение Эриха Фромма пессимистично "Множество фактов свидетельствует о том, что человек, по-видимому, выбирает роботизм, а это означает в конечном итоге безумие и разрушение", – заключает он. Увы, сегодня мы уже видим, как сбываются худшие прогнозы Фромма. Хотя его "коммунитарный социализм" ничуть не ближе к христианству, чем роботизм; это – очередное желание построить на земле Царство Божие, но без Бога. Так что потеря, о которой говорит Фромм, безвыигрышна для человечества и еще раз подтверждает пророчества Апокалипсиса.

Когда лукавство – принцип жизни. "Манипуляторы" в каждом из нас

Авва Дорофей называл "ложью словом" всякое сознательное искажение действительности, которое делается с целью, подчас как будто даже благовидной. "Ложь словом" он противопоставлял "лжи мыслию" – непреднамеренному самообману, когда человек принимает желаемое за действительное, и "лжи жизнью" – циничному пороку, прикрывающемуся добродетелью.

До сих пор "ложь словом" мы рассматривали в основном в варианте льстивого внушения людям сознания их значительности. Но в жизни можно встретить необычайно пестрое многообразие подобной лжи, конечная цель которой всегда – обходиться с людьми как с марионетками кукольного театра. Поскольку вопрос о типологии манипуляторов в свое время основательно занимал Эверетта Шострома, то мы и обратимся к нему как признанному эксперту.

Основные типы манипуляторов Эверетт Шостром разбил на четыре группы – по два противоположных типа поведения в каждой. Хотя если внимательней рассмотреть стержневые пороки, вокруг которых объединены четыре группы, то их можно сократить еще до двух. В одной прямое насилие противопоставляется манипулятивным изощрениям для достижения тех же эгоистических целей. В другой недоверие и подозрительность к людям противопоставляется завышенной оценке собственной значимости для окружающих.

Первая группа Шострома: Диктатор – Тряпка. Диктатор пытается добиться своего путем прямого насилия и подчинения себе. Он властолюбив, дерзок и стремится всегда повелевать. В открытых личностных контактах он видит угрозу потерять свою власть, именно этот страх делает его диктатором. Его противоположность – Тряпка – малодушен, также боится искренности, поэтому стремится добиваться своих эгоистических целей не напрямую, а путем различных манипуляций.

Вторая группа: Калькулятор – Прилипала. Калькулятор – тот, кто все время следит за другими. К контролю над всеми Калькулятора побуждают недоверие, подозрительность и страх, развившиеся из его глубокого эгоцентризма. Его противоположность – Прилипала – не страдает страхом перед людьми, зато у него все из того же глубокого эгоизма развилось потребительское отношение к ним, стремление жить за счет других, он манипулирует чувством жалости людей, стремится стать предметом забот окружающих.

Собственно, из четырех групп Шострома две следующие – это разновидности двух первых. Разновидностью антиподов Диктатор – Тряпка является третья группа: Хулиган – Славный Парень. Хулиган пытается достичь своих целей путем агрессии и прямого насилия. Он подвержен раздражительности, ненависти и, разумеется, страху. В отличие от Диктатора, действия которого санкционированы той или иной правовой ситуацией. Хулиган действует вопреки установившимся нормам приличия или даже законности. Славный Парень добивается своих эгоистических целей, в отличие от Хулигана, лицемерно надев маску доброжелательности, он лишен страха перед людьми и манипулирует их воспитанностью и чувством порядочности.

Однако, как подчеркивает Шостром, "вы не сможете бороться со Славным Парнем. Удивительно, но в любом конфликте Хулигана со Славным Парнем Хулиган проигрывает". Это легко объяснимо: в отличие от Хулигана Славный Парень не поработен страхом.

Наконец, последняя, четвертая группа антиподов Шострома: Судья – Защитник, – соотносится со второй: Калькулятор – Прилипала. Судья в еще более яркой форме, чем Калькулятор, одержим самоуверенностью в непогрешимости всех своих суждений, гордыней и нетерпимостью. Что же касается Защитника, то от Прилипалы он отличается тем, что в распоряжении чужими судьбами получает особое тщеславное удовольствие, а вовсе не стремится как тот получить выгоду от собственной зависимости. В этом Защитник чем-то близок к Диктатору, но от него отличается отсутствием страха и маской доброжелательности. Со своим антиподом Судьей Защитник сходен самоуверенностью в том, что знает лучше его "подопечных", что им необходимо.

Надо сказать, что Эверетт Шостром вполне сознает неполноту и неизбежное обеднение всякой классификации типов человеческого поведения. Вышеприведенная типология построена им на основе двух критериев: 1) противопоставление активной и пассивной позиций; 2) противостояние страха и недоверия к людям, с одной стороны, и самоуверенности во взаимоотношении с ними, с другой стороны. Психолог не замыкается на этой систематизации и иногда попутно может добавлять еще критерии, способные образовать аналогичные классификации, как, например: "Философия соревнующегося манипулятора – выигрывать любой ценой. Философия индифферентного манипулятора отвергать заботу".

Неискренность в близких отношениях

Близость между людьми может быть горизонтальной и вертикальной. Горизонтальный тип – это отношения равенства друзей, супругов, братьев, сестер и т. д. Вертикальный – это в первую очередь отношения родителей и детей и далее между представителями разных поколений или даже разных ступеней социальной структуры, хотя в последнем случае возникновению подлинной близости

препятствуют функциональные роли. В соответствии с этим каждый тип дает характерные для него манипуляции.

Вертикальный тип представляет особую сложность для анализа отношений. Система родители – дети (и ей аналогичные) манипулятивна по своей изначальной природе, она включает две противоположные социальные функции, связанные комплексом взаимных обязанностей. Задача родителей сначала вскормить появившееся на свет дитя, а затем, по мере того как с возрастом в нем пробудятся и начнут углубляться черты личности, привить ему правильное (естественно, с точки зрения родителей!) понимание жизни.

Поэтому вопрос, что здесь является, а что нет манипуляциями в нашем отрицательном смысле, требует дополнительного уточнения. Да, собственно, и вопрос этот не возникает, пока дитя не ощутит себя личностью, имеющей право на мнение, несогласное с родительским. А это, как правило, увы, наступает гораздо раньше, чем родители объективно могут предоставить своему дитяти такое право в силу его социальной и физиологической незрелости.

Если манипуляцией мы называем подмену открытого личностного контакта закрытым; отношение к человеку как к объекту, когда от него требуется добиться какого-то результата, а не как к субъекту общения, то мы, руководствуясь Шостромом, должны прямо сказать, что любой внимательный тактичный родитель, бережно подправляющий неудачные шаги своего дитяти так, чтобы его не ранить и не сломать его индивидуальность, – злостный манипулятор! А тот родитель, который напрямик без обиняков "бороздит" душу ребенка, имеет с ним непосредственный личностный контакт!

Всякий разумный человек скажет, что это абсурд, и откажется критерий открытости применять к взаимоотношениям родителей и детей. Дети принципиально не могут понимать родителей, как они, например, понимают своих сверстников. У них нет еще и малой доли того жизненного опыта, который определяет личность родителей и без которого их понимание остается неполным. Поэтому попытка родителей достичь полной открытости перед детьми, стать равными не может привести к искомому взаимопониманию, но, напротив, приведет к потере родительского авторитета. При нормальных взаимоотношениях естественное непонимание детьми родителей компенсируется почитанием, о котором гласит V заповедь Моисея. И разрыв между ними сокращается очень медленно, и едва ли он успевает исчезнуть совсем к закату жизни родителей и полной зрелости детей.

Между прочим, наш американский "эксперт по манипуляторам" Эверетт Шостром, увлеченный их "разоблачением", этому важному моменту совсем не придает значения. Он лихо вклинивается со своим анализом во взаимоотношения родителей и детей. "Самое интересное то, – замечает Э. Шостром, – что манипулятор может испытывать многие чувства вполне искренне, но он непременно попытается использовать их "на что-то полезное", как он думает. То есть в нагрузку к искренним слезам дается некая манипулятивная цель". Шостром с обычной для него беспощадной иронией приводит пример матери, пытающейся воздействовать на детей фразами типа: "Иди и радуйся и не думай о том, что у меня болит голова" или: "Не беспокойся обо мне. Зачем тебе думать о таких пустяках". Конечно, подобная манера воспитания показывает яркий пример того, как материнской жертвенностью прикрыт вопль о сострадании. Но даже если это гротеск, можно ли все так упрощать, раз и навсегда повесив на измученную мать ярлык манипулятора?

К сожалению, слишком узнаваема воспитательная ситуация, когда родители в отчаянии чувствуют, что теряют контроль над детьми именно в тот момент, когда детей "понесло" и именно сейчас дети нуждаются в действенном вразумлении. Можем ли мы сомневаться в том, что мать, о которой полушутливо говорит Шостром, искренна в своем желании детям добра, хотя она и применяет к ним не самые удачные воспитательные меры? Никому в голову не придет в этом усомниться. Тогда сам собой встает и следующий вопрос: что могло толкнуть ее на неискренний путь спекулирования сыновними чувствами своих детей? Ответ слишком очевиден, особенно для тех, кто имеет не только сыновний, но и родительский опыт, причина – в бессилии и отчаянии. Родительская любовь – чувство, не поддающееся самоконтролю. Нет для родителей страдания большего, чем если их детям угрожает опасность, о которой дети сами даже не догадываются. Ведь как бы ни был родитель терпим к пороку, если он на себе испытает жестокость своих детей, он "кожей" ощутит, как они несчастны, какой мучительный мрак в их душах! Чем растопить и отогреть их ожесточившиеся сердца, если они ни о чем не хотят слышать?.. Мать видит, что дети, эгоистически замкнувшись на собственной персоне, не хотят признавать никого, даже ее. Может быть, на этот случай и существуют какие-то другие воспитательные меры, лучше манипулятивных. Но есть ли у нее в этот отчаянный момент силы для творческого поиска?

Не степень открытости является решающим критерием искренности отношений между родителями и детьми. Ведь детей от полного понимания их родителей все равно отделяет непройденное пространство жизненного опыта. С другой стороны, родители, в силу жертвенности, которая является частью их природно-социальной роли, также оставляют детям пространство самостоятельности, необходимое для их взросления. В действительности неискренность в отношениях вертикального типа проявляется в том, что полная жертвенность со стороны родителей и полное доверие со стороны детей подменяются поиском каких-то эгоистических интересов только для себя.

Горизонтальные отношения во всем их бесконечном многообразии, напротив, терпят основные потери от закрытого типа общения. Этот тип, к сожалению, распространен не только в функциональной сфере, когда людей связывает, например, работа. Искушение поставить какие-то "важные" цели выше прямого, ничем не замутненного личного контакта слишком часто встречается и среди близких родственников. Ради этой "высшей", как кажется в этот момент, цели душа захлопывается перед людьми самыми близкими, даже перед супругом или супругой, и начинается манипулирование ими по уже известной схеме.

Здесь уже Эверетту Шострому есть, где разгуляться. "Самые интересные находки манипуляторов, – со знанием дела сообщает он, – в области любовных отношений. Ключевая фраза здесь: "Если бы ты любил меня, то ты бы..." О чем может свидетельствовать эта фраза, сказанная одним из супругов? Какой-то знак внимания, подарок, вещь или все что угодно в этот момент воспринимается единственной целью, а спутник или спутница жизни, покуда не обеспечит эту единственно заслуживающую внимания цель, не может доказать свою любовь и, следовательно, не заслуживает ответной любви. Не он или она – цель; цель в том, что ожидается от него или от нее. А сам он или сама она – всего лишь средство на пути к цели...

Шостром в привычной для него саркастической манере дает "советы", как добиться более искренних чувств мужа типа следующих: "Останься без обеда: тогда ты сможешь положить лишнее яблоко ему в портфель. ("Родной, тебе витамины нужны

больше, к тому же я почти не хочу есть".) Не говори ему о том, что ты дважды падала в обморок в торговом центре от слабости, когда покупала ему рубашку (но удостоверься, что он знает о твоих обмороках). Открой окно в его спальне как можно шире, чтобы у него было больше воздуха, и закрой свое окно, чтобы не использовать его запас".

Конечно, это не всерьез, но на самом деле, к чему могут привести шуточные советы Шострома? Ясно, что за этим "почти не хочу есть" муж безошибочно почувствует лукавство. Раз она не раскрывается до конца, значит, ей есть, что скрывать. А может быть... И понятно, что ком взаимного недоверия может вырасти мгновенно до самых невероятных размеров.

Возможно ли в этом мире совсем избежать лжи

Ложь разрушает личностное общение людей и их разъединяет. Понятно ли нам сегодня, о чем говорит авва Дорофей, хотя мысль его кажется для нас совсем не новой? Он говорит, что человеку, привыкшему хитрить и изворачиваться, "никогда не верят, но хотя он и правду скажет, никто не может дать ему веры, и самая правда его оказывается невероятной". За этой мыслью, в общем-то крепко внушенной нам еще с детства, встает глубинное святоотеческое понимание природы и действия лжи.

Правда, это – не просто информация, соответствующая действительности. Это – особое состояние взаимной открытости людей. И, наоборот, ложь может заключаться в формально правдивых словах, но исходящих из лукавого сердца, в котором потаенной от всех осталась длинная цепь корыстных ожиданий и расчетов на эту "правду". Именно в этом одно из объяснений, почему Христос запрещал нечистым духам открывать, что Он Сын Божий (Мк. 3, 11-12). Правда из уст демонов переставала ею быть.

Правда, высказанная лживым человеком, ничуть не прибавляет душевной близости людям, следовательно, не выполняет своего предназначения. А мы сегодня этого уже почти не чувствуем – нашей привычной средой стало отчуждение и эгоистическое одиночество, и ложь нам уже не кажется нравственной пыткой, лишаящей подлинных переживаний встречи с другой личностью. В отличие от нынешнего мироощущения отцы христианской традиции видели во лжи прежде всего разрыв связей с другими людьми и с Богом, потерю того, что наполняет человеческую душу жизнью и без чего она обречена на холод опустошенности.

Нельзя терять из виду всю глубину понимания святыми отцами природы лжи, когда мы обращаемся к ним за ответами на наши вопросы. Авва Дорофей, например, при всем однозначно осуждающем отношении к лжи, остается предельно реалистично мыслящим человеком. Он признает, что в реальности нашего падшего мира бывают ситуации, когда искажение действительности становится единственно правильным выходом из положения. Именно так надо понимать его выражение "изменить слово".

"Иногда случается такое дело, – объясняет он ситуацию, – что бывает крайность скрыть мало, и если кто не скроет мало, то дело приносит большое смущение и скорбь. Когда встретится такая крайность и видит кто-либо себя в такой нужде, то может посему изменить слово для того, чтобы не вышло, как я сказал, большего смущения и скорби, или обиды".

Итак, является ли ложью "изменение слова", о котором говорит авва Дорофей? Согласно его же утверждению всякий грех и ложь "происходит или от сластолюбия,

или от сребролюбия, или от славолубия". А здесь мотив совсем другой – избежать "большого смущения и скорби", большего по сравнению со смущением, какое вносит "крайность скрыть мало". Например, в супружеских отношениях, которые принципиально не переносят закрытой формы общения, все же может возникнуть необходимость в эпизодической закрытости, допущенной с целью пощадить уязвимость близкого человека или какую-то другую его немощь.

Но тем не менее, предупреждает авва Дорофей, это "изменение слова" или "сокрытие мало" все равно остается самой настоящей ложью! Поэтому старец стремится предотвратить слишком частое обращение его учеников к крайности, чтобы "изменить слово". Какой бы ни был мотив закрытой формы общения – жалость или эгоизм – по этой причине одинаково неизбежно вырастает препятствие подлинному межличностному контакту. Человек, решившийся на эту крайнюю меру, неизбежно несет потери. Из двух (а может быть, и более) зол ему приходится выбирать наименьшее. Но зло от этого не становится добром, оно остается злом.

Поэтому авва Дорофей тех, кто все же решился на вынужденную неискренность, призывает к покаянному настроению: "Но когда случится такая великая необходимость уклониться от слова правды, то и тогда человек не должен оставаться беспечальным, а каяться и плакать перед Богом, и считать такой случай временем искушения. Кто хочет по необходимости изменить слово, то он должен делать это не часто, но разве в исключительном случае, однажды во много лет, когда видит, как я сказал, великую необходимость, и это самое, допускаемое весьма редко, пусть делает со страхом и трепетом, показывая Богу и произволение свое, и необходимость, и тогда он будет прощен, но вред он все-таки получает". Интересен здесь своеобразный душепопечительский прагматизм старца, когда он даже называет допустимый период намеренного искажения истины. Видимо, эти "много лет" характеризуют реальность духовной атмосферы той монашеской жизни.

Если же теперь мы перенесемся из VII века в наше время, то опять перед глазами встает образ манипулятора, которого идеализирует Карнеги и критикует Шостром. Как резко он контрастирует с христианином, решившимся на неискренность во избежание большего зла! Манипулятор уверен, что его закрытое общение единственно возможная форма социальной жизни, в то время как христианин относится к ней как к греховной аномалии, хотя порой неизбежной.

"Ложь словом" и "ложь жизнью" по авве Дорофею

Третий тип лжи по классификации аввы Дорофея, это – ложь жизнью. В отличие от самообмана, то есть "лжи мыслью", и в отличие от "лжи словом", имеющей под собой чаще отрицательные, но иногда положительные мотивы, эта ложь заключается в циничной двойственности самой жизни.

Словами "ложь жизнью" авва Дорофей называет глубокую греховную испорченность человека, который привык к пороку, не боится его и не стесняется. Но поскольку общественное мнение все же осуждает порок, а ценит все-таки добродетель, то он считает выгодным скрываться под добродетельной маской. Побуждения к "лжи жизнью", как мы видим, однозначно греховные, в отличие от "лжи словом", которая, согласно авве Дорофею, хотя и приводит неизбежно к потере открытого искреннего общения, но иногда бывает из добрых побуждений.

Авва Дорофей сравнивает в некоторых моментах обман "лгущего жизнью" с "ложью словом". Он "не потому удивляется добродетели, что желает похвалить ее, –

противопоставляет преподобный старец лжеца жизнью тому, кто неискренен в словах, но внутренне страдает от этого, – ибо если бы он говорил с сею мыслью, то он сперва со смирением сознался бы в своей немощи, говоря: "Горе мне, окаянному, я сделался чуждым всякого блага", и тогда уже, по сознании своей немощи, стал бы он хвалить добродетель и удивляться ей".

"Лгущий словом" еще способен испытывать нравственные муки от того, что его дела расходятся со словами. А "лжец жизнью", – продолжает их сравнение авва Дорофей, – "не с тою целью хвалит добродетель, чтобы не соблазнять другого, ибо он должен бы был (в сем случае) думать так: "Поистине я окаян и страстен, но зачем мне соблазнять других? Зачем наносить вред душе иного и налагать на себя и другую тяжесть?" И тогда хотя бы он в том (вышеупомянутом) и согрешил, однако же коснулся бы и добра: ибо осуждать себя есть дело смирения, а щадить ближнего есть дело милосердия".

"Лжец словом", как уже говорилось, может искренне ценить добродетель, в душе каясь в своем несоответствии собственным же словам и боясь соблазнить окружающих. В противоположность этому "жизнею своею лжет тот, кто, будучи блудником, притворяется воздержным, или, будучи корыстолюбив, говорит о милостыне и хвалит милосердие, или, будучи надменен, дивится смиренномудрию. Но не по какой-либо из упомянутых причин удивляется, как я сказал, добродетели, – продолжает авва Дорофей, но или для того похищает имя добродетели, чтобы покрыть свой стыд, и говорит о ней, как будто и сам он совершенно таков, или часто для того, чтобы повредить кому-нибудь и обольстить его" (9, 17-18).

Как мы видим, единственное, что о "лжи жизнью" говорит авва Дорофей, – это под личиной добродетели скрыть порок. Такова природа этого типа лжи: в чем бы она ни состояла, ее схема одна – сознательная попытка выдать одно за другое – обмануть. Человек всегда стремится к добру (как бы искаженно он его ни понимал) и всегда избегает зла (опять-таки, как он его понимает). Противоположные полюса: добро – зло лежат в самой основе человеческого сознания, определяют глубокую структуру его психики. И они движут поведением и всей жизнью каждого человека и соответственно – всего мира. Поэтому мотивы и смысл любого обмана состоят в том, чтобы выдать за что-то ценное то, что на самом деле не представляется ценностью.

Любое общество ценит (если не принимать во внимание материальные блага) честность, порядочность, справедливость, законопослушание – словом, все те добродетели, которые гарантируют спокойную жизнь и процветание каждому члену этого общества. Поэтому противоположные им пороки всегда выгоднее не показывать, а спрятать.

Правда, в наше время в результате катастрофического падения нравов в массовом сознании многие грехи, например, против целомудрия, воспринимаются теперь почти что невинностью или чуть ли даже не особым видом добродетели, и порочные циники и вовсе не считают нужным их скрывать. Эта ложь еще губительнее, поскольку в атмосфере перемешанных нравственных ориентиров люди тщеславятся пороками и стесняются добродетелей. Едва ли авва Дорофей в свое время представлял себе, что мир может быть настолько перевернутым. Всеобщий обман массового сознания куда страшнее "частного" обмана порочным человеком людей, непосредственно его окружающих, поскольку порок уже не просто прикрывается добродетелью, но дерзко объявляет себя ею.

Но и эта ложь современного массового сознания является лишь дальнейшим углублением "лжи жизнью", показанной святым отцом VII века. В его времена было хорошо известно, что нередко встречаются попытки ложное надуманное учение поставить на место живого, переживаемого на опыте, знания Бога и объявить лжеучение самой истиной. Тот же самый прием и теперь – объявить порок или даже преступление, как, например, аборт, необходимостью, полезной для всех. Схема осталась прежней вместо добра подсунуть зло. Поэтому авва Дорофей и делает заключение, что ни одна злоба, ни одна ересь, ни сам диавол не может никого обольстить (иначе), как только под видом добродетели. Если сам диавол преобразуется в ангела света, – ссылается он на апостола Павла, – то неудивительно, что и слуги его преобразуются в служителей правды (2 Кор. 11, 14-15).

Суть современной гедонистической цивилизации в том и состоит, чтобы если не прямо отвергнуть Христа, то хотя бы затушевать "уж слишком острую дилемму": никто не может служить двум господам... не можете служить Богу и маммоне (Мф. 6, 24). Для этой цели годятся все средства. Самое эффективное – воспитать в людях отношение к лжи как к чуть ли не высшей добродетели, именно таков конечный результат "карнегизации всей страны". Вот тогда человек, стремясь к успеху в бизнесе, к исполнению своих эгоистических пожеланий, относясь к людям как к вещам, получит к тому же еще одно "удовольствие" – уверенность, что он служит не маммоне, а Богу. Поэтому так важно нам сегодня сделавшуюся уже привычной "цивилизованной" этику подвергать прямой и жесткой проверке с евангельских и церковных позиций.

Ложь и "полуправда". Выбор пути – не лгать

Итак, рекомендации, как строить свои взаимоотношения с людьми, которые дает Дейл Карнеги, основаны на эгоистических позициях собственной пользы. При этом он все же большое значение придает тому, чтобы всегда сохранялся душевный комфорт. Именно внутренний комфорт – главная ценность для Карнеги, так что ей в жертву он приносит искренность и правду. За это его и критикует Эверетт Шостром: "Зачем же все время врать? Мы бы не боялись так несовпадения во вкусах, если бы нам не навязали комплекс Дейла Карнеги, который усердно убеждает нас в том, что мы непременно должны завоевывать друзей и влиять на людей". Какие же причины для отказа от модели поведения, насаждаемой Дейлом Карнеги, видит его критик?

Шостром протестует против лжи, являющейся необходимым компонентом системы Карнеги. Но почему, потому ли, что это унижает достоинство человека? Оказывается, нет, оказывается, он против лживой неискренности вот почему. "Стремитесь избегать конфликтов... контролируйте себя... примите это легко, – постоянно советует Дейл Карнеги. – Что ж, попробуйте. Но когда вы, измотав до предела свою нервную систему, придете ко мне лечиться, я вам дам прямо противоположные советы". Оказывается, все гораздо проще, Шостром против лжи потому, что она расстраивает нервы.

Но как бы там ни было, противник карнегизации встал на сознательную позицию ухода от той лжи, которую авва Дорофей классифицировал как "ложь словом". Однако в отличие от христианского учителя он не связывает с ложью и истиной глобальных основ бытия. Мотив Шострома прагматичен – забота о здоровье. Его "профилактика" не идет дальше бытовых склок, не требует от человека перемены всей жизни.

Основная проблема заключается как раз в том, что если перестать лгать, но при этом оставить прежнюю мотивацию, то есть продолжать рассматривать всё и вся только с позиций собственного "я", приносит ли мне это удовольствие или неудовольствие, то это будет уход от лжи в открытый цинизм. И последнее будет горше первого...

Шостром "смело" ломает стереотип, во власти которого еще оставался Карнеги: "...Нашим девизом стало такое противоестественное заявление: "Я не хотел бы обидеть..." – далее может следовать длинный перечень лиц, который коротко может выглядеть так: "Всех!" А почему бы не обидеть? – спрошу я вас, если человек этого заслужил. Обижая, вы часто помогаете тому, кого обижаете: стремясь же не обидеть, зачастую жестоко наказываете человека". Психолог "снимает" запрет с нанесения обиды людям для их же пользы! Правда, в свете сказанного им выше может закраситься сомнение: тот, кто, согласно Шострому, без всякого стеснения будет обижать людей, он будет думать в первую очередь о людях и их пользе или о себе и здоровье своей нервной системы?

Совершенно очевидно, что эгоизм и индивидуализм – общая позиция Карнеги и Шострома. В чем же различается их отношение к людям? Карнеги, избегая конфликтов, пусть из эгоистических соображений, соблюдает интересы и другой стороны. Этого никак нельзя сказать о Шостроме – ради сохранения своего спокойствия, то есть ради собственной пользы, он готов идти на конфликты. Если Карнеги чувствует себя спокойно лишь, когда он со всеми вокруг в "прекрасных" отношениях, то для спокойствия Шострома этого совсем не нужно, окружающие ему и вовсе безразличны, для его внутреннего мира они потеряли даже ту значимость, какую имели у Карнеги.

Интересно представить, к чему приведет, если каждый, следуя советам Шострома, начнет самостоятельно решать, кто "заслуживает" того, чтобы его обидеть, а кому мы окажем помощь, обидев его? Во что превратится тогда повседневное общение людей между собой?

Насколько позитивна роль конфликтов?

Признание позитивной роли конфликтов у Шострома не эпизодическая оговорка. Он воспевает им настоящий гимн. ""Стремитесь избегать конфликтов", – советует вам всемогущий Дейл Карнеги. – Так с иронии над оппонентом начинает свой дифирамб Шостром. – По всей видимости, он всерьез полагает, что это возможно. Конфликт возникает из различия потребностей и целей разных людей, которые вступают во взаимодействие. Для того чтобы избежать конфликтных ситуаций, нужно как две капли воды быть похожими друг на друга. Даже сиамские близнецы конфликтуют, что уж говорить о мужьях и женах. Так что согласимся с тем, что конфликт в человеческих отношениях неизбежен. И – добавим – необходим. Борьба супругов в творческом конфликте почти всегда приводит к творческим решениям. Актуализирующийся партнер уважает других за то, что они не похожи на него, так же как ученый ищет опровержение очевидного".

Итак, Шостром говорит о необходимости конфликтов, как можно понять, для полноты личностного общения. Может ли с этим согласиться христианин? Весь вопрос в том, на чем основывается оптимизм психолога, в чем он видит выход из конфликтных ситуаций. По Шострому, столкновение интересов необходимо для того, чтобы человек осознал, что весь мир не для него одного, что приходится считаться и с

другими людьми. Гарантирует ли конфликт осознание своего эгоизма и отказ от него? К сожалению, опыт жизни чаще показывает обратное. Мало кто в результате только конфликтной ситуации глубоко осознал собственную неправоту и стал относиться к "сопернику" не как к средству достижения своей цели, а увидел в нем красоту личности, понял, что смысл жизни в общении с ним. Наверное, для этого кроме конфликта требуется что-то еще...

Схема Шострома проста. Конечная цель отказаться от сугубо эгоистической мотивации в общении с людьми. Путь, который видит Шостром, состоит в сравнении другого с собой. Сравнение это инициируется конфликтом, и в результате делается заключение, что другой такой же, как и я. Вот только нет гарантии, что заключение будет именно таким, а, например, не тем, что "я – это я, поэтому всё должно быть для меня". Но у Шострома нет иного выхода. Для того чтобы проникнуться уважением к другому человеку, его не с кем сравнивать, кроме себя самого. На первое место Шостром, как всякий неверующий, ставит себя, а на второе – другого. Христианин, получивший заповедь: "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим... возлюби ближнего твоего как самого себя" (Мф. 22, 37, 39), не может занимать собой первое место, он отдает его Богу. Самое большее, что себе он может отвести, это только второе место.

Даже если ближнему останется только третье место, такая расстановка все равно радикально меняет ситуацию! Ведь устанавливает все критерии и решает тот, кто стоит на первом месте, он определяет, заслуживает ли какой-либо человек уважения или нет. В системе мировоззрения Шострома нет места для Бога, поэтому в конечном итоге похож на меня другой или не похож, стоит ли его уважать или нет, решаю Я один. Между тем мироощущение христиан отличается коренным образом. Собственно, христианину даже нет необходимости сравнивать другого с собой, ведь оба похожи на Бога, оба являются образом Божиим. Поэтому христианин должен без сравнений "возлюбить ближнего как самого себя" (Мф. 22, 37, 39), а потом уже думать, чего хочу и чего не хочу я, как избежать причинения ближнему огорчения, которого я не хочу себе, и, наоборот, принести ему радость, которую ценю сам.

Почему и лесть, и цинизм одинаково лживы

Если Карнеги обучал искусству "завоевывания друзей", то Шостром поставил под большое сомнение правоту этого его тезиса. Действительно, для чего, собственно, нужны эти так называемые "друзья"? Как это ни парадоксально, но более последовательным и убедительным в этом оказывается не Карнеги, противоречащий себе, а Шостром. Оба они стоят на глубоко индивидуалистических и утилитарных позициях. Отличие Карнеги от Шострома здесь только в том, что первый прикрывает свои эгоистичные цели христианским отношением к ближним, а последний уже не считает нужным это делать.

"Каждый поступок, который вы совершили со дня рождения, вы совершили потому, что чего-то хотели. – Пытается увидеть в поведении людей только прагматичные мотивы Карнеги. – А что можно сказать о вашем пожертвовании ста долларов Красному Кресту? Оно не является исключением из правила... Если бы чувство внутреннего удовлетворения, вызванное вашим поступком, не было вам дороже ваших 100 долларов, то вы не сделали бы этого пожертвования. Конечно, вы могли сделать его, стыдясь отказать в нем или потому, что вас об этом просил ваш клиент. Однако несомненно одно: вы сделали пожертвование потому, что чего-то хотели".

Итак, однозначно ясны причины, побуждающие, по мнению Карнеги, "завоевывать друзей и оказывать влияние на людей". Ведь мотивом к любому, в том числе доброму, поступку он считает получение чего-то взамен, хотя бы удовлетворения от собственной праведности. Те, кого он называет "друзьями", на самом деле ему интересны ни сами по себе как личности, а всего лишь как внешние условия достижения заранее определенной цели. Если эти "условия" содействуют осуществлению задачи, актуальной для него на данный момент, они – "друзья", если нет – он их просто не замечает, они для него растворяются в окружающем мире прочих вещей. Другое дело, что среди целей, важных сию минуту для Карнеги, могут быть не только относящиеся к сфере материального, но также, например, получить удовлетворение от собственного умения ладить с людьми.

Как мы видим, Дейл Карнеги выступает идеологом нравственного сознания, которое слишком далеко ушло от Евангелия. Христианский идеал отношения к ближним выражен заповедью Христа: "Да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Ин. 15, 12-13). Следует сразу отметить, что циничное нежелание "все время врать" – позиция, в данном случае представляемая Шостром, не менее лжива, чем "завоевывание друзей" лезвием, она еще дальше от христианства. Такая установка на отказ от всякой сдержанности ради сохранения своих нервов на полную распушенность становится все более популярной начиная со второй половины XX века. Шостром здесь более последователен в своей откровенно антихристианской этике, он искренне не понимает, почему Карнеги так заботит приобретение друзей, ведь строить свои отношения на меркантильной основе можно с кем угодно, вовсе не обязательно для этого обзаводиться друзьями.

Хотя Карнеги уверен в необходимости социальной добродетели, побуждения к ней он видит только в желании что-то получить, пусть даже удовлетворение от собственной праведности. Если человек знает только радость получать, он глубоко эгоистичен и никого по-настоящему не любит, потому что любовь – это радость давать, радость пожертвовать себя любимому. Такого "завоевателя друзей" Шостром честно назвал манипулятором, то есть кукловодом, приводящим в движение марионеток с помощью невидимых зрителю нитей. Сам он уже "освободился" от предрассудка о необходимости иметь друзей, который мешал Карнеги назвать все своими именами. Ведь Шостром стал известен в начале 60-х годов, когда Карнеги (1888-1955) уже не было в живых. Тогда уже саму идею единения людей – центральную идею Церкви в Евангелии – можно было не стесняясь объявить пройденным пережитком христианского максимализма... Поэтому если Дейлу Карнеги "друзья" требовались для того, чтобы продвинуть свой бизнес, да к тому же в душевно комфортных условиях, то Шостром просто не понимает, для чего они нужны: он может прекрасно себя чувствовать и без благодушной атмосферы, которую старался сохранить Карнеги.

Как уже было сказано, и Карнеги, и Шостром, оба, по сути, стоят на одних и тех же позициях индивидуализма и его системы ценностей. К индивидуалистическому мироощущению западноевропейская цивилизация двигалась начиная с раннего средневековья, вслед за последовательной утратой древнего христианского евхаристического мировосприятия на Западе.

Один из этапов широкого распространения индивидуализма связан с романтизмом XVIII века. Известный английский историк философии Бертран Рассел пишет:

"Бунт индивидуалистических инстинктов против социальных уз является ключом к пониманию философии политики и чувств – не только того, что обычно называется движением романтизма, но и его последователей до наших дней... Что касается чувства, то должен был существовать неприятный компромисс между стремлением к изоляции и необходимостью удовлетворения страсти и экономических потребностей. ...Отшельник не пользуется удобствами цивилизованной жизни, и человек, который хочет писать книги или создавать произведения искусства, должен принять помощь других, для того, чтобы поддержать свое существование в то время, когда работает. Для того чтобы продолжать чувствовать себя в одиночестве, он должен быть в состоянии предотвратить тех, кто служит ему, от покушения на его Я, что лучше всего достигается, если они являются рабами".

Сегодня идеологи западной цивилизации не перестают рекламировать ее ценности – демократию и индивидуализм, то есть приоритет личности над социумом. Но не надо забывать то, что показал Рассел: естественная цель индивидуализма – ощущать себя единственно тем, кто является личностью, а всех остальных видеть средством, доставляющим для меня комфорт, то есть своими рабами.

Как развиваются конфликты. "Конфликтология" аввы Дорофея

Проблема конфликтов между людьми всегда была и остается самой острой. И сегодня для психологов и социологов эта проблема стоит на важнейшем месте. Ритмы современной жизни все ускоряются, и это главное, что ее определяет. Для нашего времени характерно постоянное общение с людьми – пусть общение поверхностное, но со столь широким кругом людей, какой не могли и помыслить себе учителя нравственности ни в IV, ни даже в XVIII веке. Однако все это вовсе не значит, что святоотеческие наставления для нас устарели.

Например, беседа о злопамятности преподобного аввы Дорофея. Напомним, что преподобный Дорофей жил в конце VI – начале VII века и эта его беседа, как и другие поучения, в общем-то предназначалась для монахов. Но она поразительно подходит сегодня для нас всех по нескольким причинам. Во-первых, сейчас мы особенно нуждаемся в той отеческой снисходительности, какую он оказывал к немощи новоначальных учеников. Во-вторых, как ни странно, наша ситуация достаточно близка к той, в которой жил авва Дорофей и его ученики. Ситуацию, подобную нашей, тогда можно было встретить только в общем жителстве монахов. Только в монастырях могло возникнуть скопление большого числа людей, не связанных родственными узами или взаимоотношениями сверстников и в то же время постоянно общающихся между собой на основе взаимного равенства.

Почтения аввы Дорофея хотя и возникли в связи с проблемами взаимоотношений монашеской братии, через четырнадцать веков удивительным образом оказались актуальными для мирян в глобальных масштабах. Речь пойдет, разумеется, не о семейных конфликтах, хотя они имеют природу и механизм протекания, сходные с прочими проблемами межличностных отношений. Родственные отношения слишком глубокий и мощный фактор, который по своей природе гасит мелкие конфликты и, как правило, не дает им укореняться вглубь. Это касается близости супругов, отношения "отцов" и "детей", взаимоотношение братьев и т. д.

Более того, сегодня одним из главных пороков общества признан страх вступать в глубокие межличностные контакты – люди предпочитают обходиться ритуальной

ложью поверхностных полуконтактов. Поэтому сегодня некоторые психологи и говорят, что во взаимоотношениях близких людей конфликты – признак глубоких искренних отношений. Избежать конфликтов все равно не возможно, но в их преодолении происходит более тесное единение людей. Что касается того, как их преодолевать, то путь, указанный аввой Дорофеем, одинаково подходит и для монашеской братии, и для сотрудников по работе или одноклассников, и для людей, связанных родственными узами.

Ученикам аввы Дорофея, живущим вместе и вместе выполнявшим монастырские послушания было хорошо известно, что даже на пустом месте совсем неожиданно может возникнуть конфликт и разрастись до самых невероятных размеров. Чтобы научить начинающих иноков управлять собой и не идти на поводу своих страстей, проницательный старец показал им, что неприязнь не сразу появляется в душе; это процесс, в котором можно выделить определенные этапы. Авва Дорофей назвал четыре этапа развития неприязненной злопамятности, каждому из которых соответствуют определенные "противоядия" – надо только научиться ими пользоваться.

"Искусством из искусств" называет преподобный авва Дорофей труд человека над своей душой. "Какой человек, желая научиться искусству, постигает его из одних слов? – задает вполне риторический вопрос наставник и сам же отвечает на него: – Нет, сперва он работает и портит, работает и уничтожает свое дело: и так, мало-помалу, трудами и терпением научается искусству... А мы хотим искусству искусств научиться одними словами, не принимаясь за дело".

Но без слов тем более не обойдешься. Прежде чем ученик загорится желанием "попробовать" самому, он должен глубоко проникнуться содержанием урока, полностью усвоить (то есть сделать "своим") урок во всех деталях. Современные педагоги-методисты и психологи разрабатывают новые дидактические методы, пытаются нащупать педагогические технологии, которые бы при минимальном усилии ученика давали максимальный эффект усвоения. И здесь еще раз приходится убедиться, что новое это хорошо забытое старое. Многие из тех приемов, приоритет открытия которых присваивают нынешние ученые, применял в VI веке авва Дорофей в форме, доведенной до совершенства.

Четыре этапа развития неприязни, это – начальное смущение от случайной стычки, затем – растущее раздражение, потом – гнев и, наконец, –глубоко затаенное в душе зло – злопамятность, если конфликт зашел слишком далеко. Если подсчитать, сколько же раз на протяжении всего поучения авва Дорофей воспроизводит процесс развития этой страсти, то обнаружится весьма солидное число – десять. Этого более чем достаточно, чтобы, даже не прилагая особых усилий, хорошо его запомнить. Да и красивое число 10, особенно в то время, когда более, чем сейчас, придавали значение равновесию частей внутри текста, играло свою роль. Однако, зная точно все законы восприятия смысла людьми, чтобы не наскучить им, авва Дорофей все время варьирует четыремя этапами развития злопамятности. Все четыре этапа вместе он дает только трижды, остальные семь раз недостает какого-то одного или даже двух из них. Так что получается, что смущение и раздражение упомянуты из десяти всего по 7 раз, гнев – 8, а злопамятность – 9 раз. Все эти числа, с точки зрения тогдашней эстетики, также носят печать совершенства.

"Смущение" и "раздражение"

"Смущение" – это завязка конфликта, естественная реакция на "слово брата, – как пишет авва Дорофей, – нанесшего оскорбление". "Смущение же есть то самое движение и возбуждение помыслов, которое воздвигает и раздражает сердце", – в этом, согласно авве Дорофею, состоит начальный этап конфликтной ситуации.

Второй этап – раздражение, как его определяет Дорофей, это "отомстительное восстание на опечалившего...". Чтобы точнее передать, в чем состоит раздражение, авва Дорофей находит еще другое его название: "Его также называют острожелчием (вспыльчивостью)".

В чем же состоит развитие конфликта на этом этапе? Неожиданно встретив недоброжелательство, человек смущен и в первый момент растерян. Вслед за этим он начинает многократно "прокручивать" в памяти инцидент. При этом, разумеется, он особо остро ощущает, "как несправедливо со мной поступили", и разгоряченно перебирает в уме способы, которыми он "восстановит" справедливость. Авва Дорофей поясняет: "Если же ты будешь продолжать... раздражать и возбуждать сердце воспоминанием: "зачем он мне это сказал, я и ему скажу то и то", то от сего самого стечения и, так сказать, столкновения помыслов согревается и разгорается сердце, и происходит воспламенение раздражительности, ибо раздражительность есть жар крови около сердца".

Собственное определение сущности раздражения преподобный Дорофей подтверждает авторитетом другого писателя-аскета. Марка Подвижника: "Как сказал блаженный авва Марк: «злоба, питаемая помышлениями, раздражает сердце»".

Во что перерастает раздражение?

Итак, во что далее переходит раздражение? "Когда возгорится раздражительность, – объясняет переход от второго этапа состояния конфликта к третьему авва Дорофей, – если он (то есть брат) и замолчит, но будет продолжать смущаться и возбуждать себя, то он делается, как мы сказали, подобным тому, кто подкладывает дрова на огонь, и они горят, пока наконец образуется много горящего угля, и это есть гнев".

После весьма красочного описания порывов ярости, сделанного в свое время святителем Григорием Богословом, когда: "законы отметались в сторону, врага, отца, жену и родных всех сметал стремительный поток...", или же после описания гнева, оставленного свт. Тихоном Задонским, когда человек "негодует и шумит, клянет и ругает сам себя, терзает и бьет, ударяет по голове и лицу своему и весь трясется, как в лихорадке" показ гнева аввой Дорофеем может показаться "бледноватым".

Если сравнивать с другими этапами развития злопамятности, гнев авва Дорофей описывает не столь выразительно. Безусловно, на это есть свои причины. Прежде всего не требовалось в поучении к монахам, стремившимся контролировать каждый свой помысел (что, понятно, приходило не сразу), тратить время на борьбу с пороками, которых у них не было. Научиться держать себя в руках во внешнем поведении это первое, с чего начинал каждый из них еще в миру.

Ясно, что гнев учеников аввы Дорофея принимал иные, не столь ярко выраженные формы. Поэтому третий этап развития конфликта он обозначает кроме "гнева" еще другим словом: "Раздражение же... обращается в дерзость". Значит, дерзость, то есть внутренняя решимость удовлетворить свою мстительность (не важно, будет ли она осуществлена) – это одна из форм гнева. Об этом особенно хорошо следует помнить нам, живущим в обществе, где также (правда, по другим причинам) слишком

прямые проявления гнева считаются неприличными. Ярость и гнев в нынешнем "цивилизованном" обществе позорны не потому, что они по сути – покушения на заповедь "не убий", а потому что открывают постыдную слабость характера... А вот дерзость, то есть внутренне контролируемый гнев, в наше время почитается прямо-таки доблестью.

Однако человек, одержимый любой формой гнева, как подчеркивает преподобный Дорофей, претерпевает тяжелые мучения духа, он не свободен, он "побеждается сею страстию...", то есть он страдает...

В чем состоит "злопамятность"?

"Случается, что, когда между братьями произойдет смущение или возникнет неудовольствие, – показывает развитие конфликтной ситуации авва Дорофей, – один из них поклонится другому (прося прощения), но и после сего продолжает скорбеть и иметь помыслы против брата. Таковой не должен пренебрегать сим, но пресечь оные вскоре, ибо это есть злопамятность!" И так, злопамятность – это неизжитое затаившееся в душе зло на человека. Злопамятность мучит и изматывает прежде всего самого того, в чьей душе она поселилась. Все взаимоотношения с "предметом" мстительной памяти отравлены немирным состоянием духа. Человек и хотел бы освободиться от этого огорчающего его чувства, да не так-то это просто!

Проявления злопамятности, описанные аввой Дорофеем, опять воспринимаются очень современно:

"Воздать же злом за зло можно не только делом, но и словом, и видом, ...случается, что что-либо одним видом, или движением, или взором смущает брата своего; ибо можно и одним взглядом или телодвижением оскорбить брата своего... Другой... в сердце своем имеет неудовольствие на брата своего и скорбит на него".

"Другой... если услышит, что кто-нибудь оскорбил того в чем-либо, или его побранили, или унижили, и он радуется, слыша это... Другой... не радуется и благополучию его: но если видит, что того прославляют и тому угождают, то он скорбит..."

"Иной... через несколько времени после примирения, если тому опять случится сказать что-либо оскорбительное для него, то он начинает вспоминать и прежнее, и смущаться не только о втором, но и о прежнем".

Безусловно, есть сходство между начинающими учениками аввы Дорофея и средним "воспитанным" человеком сегодня. Но есть и принципиальное различие. Те пришли в монастырь, чтобы освободиться от бушевающих их страстей, а наш современник едва ли задумывается, что глубоко сам страдает от мстительности и злопамятности. К подобным страстям современные люди относятся в большинстве своем как к одной из своих естественных потребностей: возникло чувство голода – надо поесть; появилось мстительное желание – надо отомстить...

Преодоление конфликтов. Замолчать и смириться...

Легче всего со страстью злопамятности бороться в самом начале: остановить себя на уровне "смущения". Как это сделать? Самый простой способ, как говорит авва Дорофей, когда между братьями произойдет смущение или возникнет неудовольствие, – это попросить прощения. Надо отметить, что преподобный даже и не собирается уточнять, кто именно должен это сделать – тот ли, кто оказался

причиной этого "неудовольствия", или "пострадавший". Ясно, что искать виноватого – тупиковый путь, пострадавшим считает себя каждый. "Один из них, – просто говорит авва, – поклонится другому, прося прощения..." То есть тот, кто первый заметил в своем сердце смущение, тот и должен поспешить первым от него освободиться.

Авва Дорофей еще раз обобщает способ преодоления конфликта на первом этапе: смущение, "если хочешь, можешь удобно погасить, пока оно еще невелико, молчанием, молитвою, одним поклоном от сердца". "Ибо если кто-либо в начале смущения... поспешит укорить себя и поклониться (ближнему, прося прощения), прежде нежели разгорится раздражительность, то он сохранит мир".

Но если упущен самый начальный момент, то есть момент, когда мучительная впоследствии страсть только зарождается? Если "былинка" смущения, прежде чем была замечена, все же успела вырасти и грозит превратиться в укоренившееся дерево злой страсти! Освободиться от него все же, еще остаются средства, хотя это потребует большего труда. Наука о духовной жизни аввы Дорофея поможет определить, на каком этапе, к каким средствам следует прибегать, чтобы остановить развивающуюся страсть.

Простить и примириться...

Однако возможна и иная ситуация: охваченный обидой человек "замолчит, но будет продолжать смущаться и возбуждать себя..." – так авва Дорофей рассматривает дальнейшее развитие страсти. Внешне обиженный держит себя в руках, чтобы не наговорить лишнего, но душа не обрела умиротворения. Какие усилия необходимы теперь, чтобы бороться с "гневом", выросшим из раздражения и укрепившимся в душе?

Увы, каких-то "чудодейственных" средств, "снимающих" гнев механически, без труда и внутренних усилий, здесь нет. Куда же должна быть направлена внутренняя борьба с гневом? Советы преподобного в этом случае также новы и уже знакомы. Надо примириться. То есть действительно, на самом деле принять в свое сердце человека, который вызвал в душе бурю негодования.

За этим стоит глубочайший акт общения одной человеческой личности с другой. Каждый человек интуитивно ощущает в себе неисчерпаемую красоту образа Божия. Необходимо признать такую же личностную глубину в другом человеке. Он – такая же богоподобная личность, какой ощущаю я себя. Бог и его любит крестной голгофской любовью как всякого человека. Обиженный должен осознать, насколько не соответствует его мелочный гнев величию того, против кого он вспыхнул. И должен, как говорит авва Дорофей, сделать искренний поклон прощения... И тогда кровоточащая рана страсти, образовавшаяся в его собственной душе, будет уречевана.

"Пролить кровь свою..."

Но и здесь остается опасность. "Иной... сделав поклон, исцелил этим гнев, – продолжает авва Дорофей, – ...была у него рана, и он приложил пластырь... Но она еще не совершенно зажила". От малейшего прикосновения рана возобновляется. И тогда "огонь" раздражения и гнева может перегореть в "золу" злопамятности.

Злопамятность особенно опасна тем, что в ней уже нет бури смятения, которую нельзя не заметить. В ней, напротив, всегда остается "ровный" фон болезненной ненависти. К ней человек может привыкнуть, ее может не замечать и не помнить, но,

как только на горизонте общения появится тот, кто явился предметом этой "злой памяти", она сразу же даст о себе знать...

Страсть, которая уже сделалась привычной частью тебя самого, изгнать из своей души особенно трудно. И преподобный авва Дорофей прямо предупреждает, что от злопамятности "человек не освободится, если не прольет крови своей". Что это значит, в чем должна состоять борьба со страстью злопамятности? Предстоит действительно тяжелая борьба, для нее нужно собрать все силы души. Для нее требуется сила духа воина, продолжающего сражение, несмотря на ранения, – воина, который, не жалея себя, "проливает кровь свою".

Но в этой борьбе, по сути дела, нет ничего особенного и героического. Это обычная борьба с привычкой, она требует постоянного неусыпного внимания к себе, к тому, какие чувства проносятся в душе, открытой как поле всем ветрам и непогодам... Поэтому авва Дорофей и говорит, что все усилия против злопамятности заключаются в старании "не питать ни одного помысла в сердце своем..."

Авва Дорофей сравнивает страсть с раной на теле человека. Если извлечь максимальное назидание из такого сравнения, то злопамятность – это рана, слегка зажившая лишь на поверхности. Поэтому "...так должно подвизаться, – учит преподобный, – чтобы очистить совершенно и внутренний гной... Молясь от всего сердца об оскорбившем..." Вот теперь указано точное средство! Это молитва. Человек ставит себя перед судом Божиим. Он сознает безмерность Божией любви к себе и также к тому, из-за которого в силу мелочных ничтожных причин мое сердце наполнилось тьмой огорчения, лишилось света и радости любви Божией... "Таким образом человек и молится за брата своего, а это есть знак сострадания и любви, – поучает авва Дорофей, – и смиряется, прося себе помощи, ради молитв его: а где сострадание, любовь и смирение, что может там успеть раздражительность, или злопамятность, или другая страсть?"

Насколько далеки от такого ощущения другой личности современные психологи, которые говорят не только о неизбежности, но и о необходимости конфликтов: "творческий конфликт почти всегда приводит к творческим решениям". Для них личностное общение – это столкновение суверенитетов; конфликты, как они считают, устанавливают границы личностной суверенности и "нормализуют отношения". При этом они даже не подозревают, что личность способна выйти за пределы своего индивидуализма и там обрести радость не в себе, а в другом! Радость, безмерно превосходящую любовь к себе, с которой эгоист боится расстаться. Для аввы Дорофея любой конфликт – разрыв любви и не может быть "творческим".

"Педагогика" аввы Дорофея. Смущение "дымится и бросает искры..."

Как опытный наставник авва Дорофей знает, что объяснить что-либо на словах очень трудно и даже совсем невозможно, если у человека нет хоть сколько-нибудь похожего собственного опыта. Особенно, если это – внутренний опыт сопротивления искушениям. Тот, кто никогда этого не испытывал, просто не поймет, о чем идет речь! Поэтому авва Дорофей прибегает к параллелям, взятым из обыденности, с которой знакомы все.

Первый этап конфликта – смущение – авва Дорофей сравнивает с раскаленным угольком, какой можно выгрести из догорающего костра. Даже самый крошечный тлеющий уголек способен послужить причиной большого пожара: "Кто разводит

огонь, тот берет сначала малый уголек: это слово брата, нанесшего оскорбление". Погасить эту искру пока еще совсем нетрудно, да она и сама быстро погаснет, если не попадет в горючее вещество: "Если бы ты перенес малое слово брата твоего, то погасил бы, как я уже сказал, этот малый уголек". Но если, вместо того чтобы дать искре погаснуть самой, бросить ее в легковоспламеняющийся материал, то от нее разгорится пока еще слабый огонек: "Если же будешь думать: "зачем он мне это сказал, и я ему скажу то и то, и если бы он не хотел оскорбить меня, он не сказал бы этого, и я непременно оскорблю его", – вот ты и подложил лучинки или что-либо другое, подобно разводящему огонь, и произвел дым, который есть смущение".

Итак, когда солома или дерево начали тлеть и дымиться от упавшей искры, но еще не воспламенились, это в образной системе аввы Дорофея – смущение: "оно начинается, как мы сказали, дымиться и бросать искры..."

Для этого этапа развития греха авва Дорофей приводит и другой, уже упоминавшийся, весьма убедительный пример из окружающей природы: "...отсекайте страсти, пока они еще молоды... иное дело – вырвать малую былинку и иное – искоренить большое дерево".

Кто подкладывает дрова в огонь...

Если первый этап развития конфликта авва Дорофей сравнивает с тлеющим угольком, попавшим в воспламеняемую среду, то нетрудно угадать, о чем он будет говорить дальше. Однако опытный наставник улавливает и эту тень разочарования на челе ученика, отгадавшего весь замысел. От пламени, оживляющего очаг или взметнувшегося над костром, он вдруг переходит к жару совсем другого рода: "...от сего самого стечения и, так сказать, столкновения помыслов согревается и разгорается сердце, и происходит воспламенение раздражительности..." "Не увлекайся и не забывай, – как бы говорит он, – что и "искра смущения" и "огонь в сердце" да и само слово "раздражительность" – это только метафоры, словесные модели духовных состояний, которые иначе чем через внешние аналогии и не передашь..."

"Вот как происходит раздражительность, – продолжает он. – ...Если же ты продолжаешь смущать и смущаться, то уподобляешься человеку, подкладывающему дрова на огонь и еще более разжигающему его..."

"Также когда возгорится раздражительность, если он и замолчит, но будет продолжать смущаться и возбуждать себя, то он делается, как мы сказали, подобным тому, кто подкладывает дрова на огонь..."

Итак, раздражение – это когда искру смущения раздувают и разгорающийся огонь снабжают "топливом". Но это еще не все – далее на третьей стадии последует гнев: что же приводит к нему? "Если же ты продолжаешь смущать и смущаться, то уподобляешься человеку, подкладывающему дрова на огонь и еще более разжигающему его, отчего образуется (много) горящего угля, и это есть гнев". Все те же "дрова", тот же горючий материал, подбрасываемый в тлеющее раздражение, приводит к тому, что "полыхнет" пламя гнева!

Что служит топливом для возгорания гнева? Из слов аввы Дорофея явствует, что "когда возгорится раздражительность, если он "брат" и замолчит, но будет продолжать смущаться и возбуждать себя, то он делается, как мы сказали, подобным тому, кто подкладывает дрова на огонь, и они горят, пока наконец

образуется много горящего угля". "Горючее" гнева – это все те же смутительные помыслы, распалаяющие в душе эту страсть.

А чтобы еще раз подчеркнуть, что гнев как всякая страсть – болезненное, мучительное состояние, авва Дорофей обращается к иной параллели, не связанной с развернутой метафорой возгорания пламени из искры. Гнев он сравнивает с раной на теле человека: "...была у него рана, и он приложил пластырь, то есть сделал поклон, и... исцелил рану, то есть гнев..."

Что приходит на смену "пламени"

Метафора разгорания конфликта из "искры" смущения в "пламя" гнева, казалось бы, исчерпана: что может быть страшнее бушующего пламени? Что еще может быть после него? Однако авва Дорофей находит меткое соответствие и для последней стадии, для злопамятности: "...как горящее уголье, когда оно угаснет и будет собрано, может лежать несколько лет без повреждения, и даже, если кто польет его водою, оно не подвергается гниению: так и гнев, если закоснеет, обращается в злопамятность..."

Из уже упоминавшегося "медицинского" сравнения страсти с раной преподобный Дорофей также делает развернутую аналогию. Гнев не может слишком долго держать человека в возбуждении. Даже если он не искоренен совсем, состояние вражды принимает другие, более "спокойные" формы. Тот, в чьем сердце поселилась злопамятность, "...подобен человеку, имеющему рану и положившему на нее пластырь, и хотя он в настоящее время заживил рану, и она заросла, но место еще болезненно; и если кто-нибудь бросит в него камешком, то место сие повреждается скорее всего тела и тотчас начинает источать кровь. То же самое претерпевает и оный человек: была у него рана, и он приложил пластырь, то есть сделал поклон, и, подобно первому, исцелил рану, то есть гнев... Но она еще не совершенно зажила; есть еще остаток злопамятности, который составляет верхнее закрытие раны, и от него удобно возобновляется вся рана, если человек получит хотя легкий ушиб".

Бог и вера в жизни современного человека.

Где прибежище от жестокости мира

Современная психология столкнулась с самой пугающей проблемой века – превращением человека в робота. Вместе с потерей интереса к другому как к личности, как к цели, а не средству, человек теряет свою "человечность", превращается в машину, производящую товары и их потребляющую. Это, однако, для него не проходит даром. И вот уже одним из самых дефицитных товаров становится здоровье. Стрессы, депрессии, психические и нервные расстройства, алкоголизм, наркомания выводят из строя до того исправно вращавшиеся "живые винтики" глобальной экономической машины.

Спрос рождает предложения, и вот в гигантском механизме бизнеса заработал новый блок: психологи и психиатры ищут, как же все-таки оздоровить больное общество. Поиски приводят их к тому, от чего современная "бесконечно светская" цивилизация ушла, – к религии. "Научная объективность" констатирует, что религиозная натура несравнимо богаче и здоровее рядового потребителя современной бездуховной цивилизации. Задача, которую ставит перед послушными психологами "заказчик", в следующем: как, не меняя основ жизни, то есть не отказываясь от абсолютизированной ценности удовольствия и потребления, воспользоваться терапевтическими возможностями религии. Христианство, в котором образ жизни не

отделим от покаяния, смирения, "блаженства плача", таит неограниченные потенции исцеления и катарсиса души – и психологи это хорошо понимают.

У Клайва Льюиса, английского христианского писателя середины XX века, есть образ: жители ада, привезенные на экскурсию в рай, пытаются украсть райские яблоки, чтобы на них сделать бизнес у себя в аду. Но прекрасные плоды оказываются непомерно тяжелыми для призрачных гостей из ада. Очень похожи на них неверующие психологи, пытающиеся воспользоваться христианским опытом. Эверетт Шостром, критиковавший Карнеги за лживость, возведенную в принцип жизни, увидел неопределимые терапевтические возможности христианской добродетели плача. Вот какой путь излечения душевных травм он предлагает:

"Обида – самое трудное в выражении чувство. Оно побуждает нас вернуться в детство и вспомнить то состояние, когда мы везде и во всем искали защиты у матери. Чем она могла нам помочь? Как правило, тем, что выслушивала наши причитания. Это лучший способ выражения обиды. Надо выговорить ее и выплакать. Женщины с этим справляются лучше; мужчины же к этому совсем не расположены. Ну, так они и живут меньше, и инфаркты у них чаще. Они надеются, что бег трусцой по утрам продлит их жизнь. А им бы всплакнуть иногда... Когда-то в детстве какой-то манипулятор говорил им: "Ну-ну, Джонни, большие мальчики не плачут". И в результате у них просто не хватает мужества на то, чтобы расплакаться".

Прежде чем оценить, смогут ли психологи потихоньку вынести привлекательный плод плача из христианского рая, зададимся вопросом: станет ли ребенок изливать свою обиду человеку, любовь и соучастие которого он не ощущает? Ведь мать выслушивает горестные жалобы ребенка небезучастно. Происходит ее единение с ребенком. Мать глубоко переживает горе ребенка, ставшее их общим горем.

Действительно, почему ребенок с плачем убегает именно к матери? Потому ли, что ему надо излить свою горечь все равно кому, или он жаждет, чтобы его утешила именно мать, ведь в этот момент он ощущает себя таким одиноким? Ребенок находит утешение не в том, что он всё высказал, и даже не в том, что путем плача "канализовал" отрицательные эмоции, а в том именно, что нашел в соучастии матери качественно иное измерение жизни, которого ему в этот момент так не хватало. Это иное качество жизни – любовь матери, ребенок "погружается" в нее, входит, как мог бы войти, например, в поток света, ниспадающий через высокое отверстие в темную пещеру. Между тем Шостром об этом совсем забыл. То, что ребенок утешается возле матери, он пытается объяснить только односторонним его самоутешением от собственного плача. И к такому же самоуспокоению путем всхлипываний и рыданий Шостром призывает взрослых людей.

В самом деле, почему взрослые, особенно мужчины, не плачут? Из-за того, что в детстве их обманул какой-то манипулятор, как думает Шостром, или от того, что им некому изливать свои горести, а в пустоту плакать бессмысленно? Ясно, что ребенок не стал бы плакать в пустоту (и как только психолог может такое допустить!). Как известно, на вопрос: ты почему плачешь? – ребенок порой может ответить: я не тебе плачу, я маме плачу! Он плачет "по адресу"! Но ребенок плакать от обиды может и в одиночестве. Обиженный глубоко страдает, ведь его лишили того, на что – он уверен имеет право, лишили любви. Он все равно чувствует Любовь, которую он заслуживает, а поэтому – свое величие; как можно унижать меня, которого так любят, как они могут этого не понимать! Его обида и плач обращены именно к этой Любви,

которую он ощущает по отношению к себе, хотя он не рефлексивирует над тем, из какого она Источника.

Точно так же и взрослому бессмысленно плакать, ни к кому не обращаясь. Да потому-то они и не плачут, что, увы, уже растеряли первоначальное чувство присутствия Любви. Поэтому-то представители сильного пола – мужчины, которые привыкли опираться только на себя и давать опору женщинам рядом с ними, оставляют в себе невыплаканные причитания. А вовсе не потому, что в детстве их ввел в заблуждение нехороший манипулятор.

Именно этим второе блаженство Нагорной проповеди Христа: блаженны плачущие, ибо они утешатся (Мф. 5, 4) – отличается от идеи Шострома спасаться от инфарктов профилактическими рыданиями. Плач становится блаженством потому, что это к Нему плач, к Тому, Кто единственно милосерд и благоутробен. Кто любит каждого труждающегося и обремененного (Мф. 11, 28) до смерти крестной.

Вряд ли кто-то из неверующих всерьез послушает Шострома и примется "продлять" свою жизнь профилактическими слезами. Да и христиане, которым хорошо известно евангельское блаженство плачущих, вовсе не сотрясают воздух надрывным плачем, а предпочитают внутренне изливать свои горести перед Богом. Да и нужно ли это? Все-таки надо немножко и об окружающих думать, о которых забывает американский психолог, и пощадить их нервы. Ведь утешение приходит не оттого, что грудь сотрясают скудные мужские рыдания, а оттого, что есть Кому утешить.

Смирение, или "снятие усилия"?

Не только плач, но и христианское смирение привлекло внимание психолога Эверетта Шострома своими поистине универсальными целебными свойствами для человеческой души. Об этой христианской добродетели в перспективе психотерапии психолог рассуждает особо: ""Снятие усилия", или смирение, Джеймс Бугенталь определял как "добровольное согласие без усилия и старания, без нарочитой концентрации и без принятия решений". Он считает, что "снятие усилия" – важнейшее условие для актуализирования" (следует иметь в виду, что актуализатор по Шострому – противоположность манипулятору: он видит смысл жизни не в манипулировании людьми как вещами, а в личностном общении с ними). <...> В психотерапии, например, продолжает Шостром, мы часто слышим об усилии пациента быть естественным. Но чем больше он старается, тем фальшивее становится. Спустя несколько часов безумных усилий он, как правило, не выдерживает и заявляет: "С ума сойти! Я сдаюсь. Поверьте, мне просто не под силу быть естественным". Надо ли добавлять, что в этот момент он предельно, как никогда, естественен. Иначе выглядит религиозный пациент, – заключает американский психотерапевт. – Чем больше он стремится быть смиренным, тем более гордым становится".

Нельзя не отдать должное тонкой наблюдательности Шострома. Слишком узнаваемо, когда усилия христианина стать смиренным раздувают в нем гордыню. Но сейчас рассмотрим мысль Шострома, высказанную чуть выше. К кому, собственно, обращается с признанием "я больше не могу!" тот, кто хочет, но не может стать естественным? Скорее всего к самому себе. "Снятие усилий" по Шострому – это всего лишь сказать себе самому: "Я больше не могу!"

Между тем христианское смирение, блаженство "нищеты духовной" (Мф. 5, 3), – это признание не столько себе, сколько – Богу в своем бессилии и неспособности

выбраться из лабиринта страстей... В каком случае, как говорит Шостром, религиозный человек чем больше стремится быть смиренным, тем более гордым становится? Видимо, Шостром имел дело только с теми "религиозными" людьми, которые даже когда хотят сделать доброе дело, "помочь" Богу, то делают это исключительно собственными силами, не озаботившись спросить Его, а нужна ли Ему такая их помощь...

Это очень тонкий момент. В каком случае для христианина создается опасность возгордиться от собственного смирения? Если он всячески себя унижает и доволен своим успехом, даже не подумав обратиться за помощью к Богу? Или, если, осознав всю свою неспособность выбраться из лабиринта страстей, он признается в этом Богу и просит, чтобы Бог Сам вел его путями, которые Он знает? Понятно, что в первом случае. Такие люди и в смирении упражняются единственно под собственным надзором, не допуская Бога в их личные проблемы. Смиряться, они заставляют себя унижаться и при этом испытывают необычайную гордость за свои успехи... И все это вместо того, чтобы сказать; Господи, Ты видишь, что у меня ничего не получается, Ты видишь, какой я! Одна у меня надежда, что Ты по-прежнему любишь меня... Возможно, в протестантском большинстве американцев, среди которых практиковал в качестве психотерапевта Шостром, это самый распространенный тип верующего человека.

И психологи, и христиане одинаково понимают, что происходит с человеком, когда он смиряется. Он больше не может сопротивляться, он отказывается от дальнейших усилий. Но между снятием усилия по Шострому и подлинным христианским смирением есть и очень серьезные различия. Православие учит совсем другому смирению. Вот, например, молитва вечернего Правила, которую православный христианин повторяет ежедневно: "Помилуй нас Господи, помилуй нас! Не зная, как будем нести ответ перед Тобой, мы, грешные приносим Тебе как Владыке лишь эту молитву: помилуй нас!" Слова этого тропаря повторяют мотив 50-го псалма, так что, как видим, для библейской традиции, охватывающей в данном случае как минимум три тысячи лет, "снятие усилия" – смирение – хорошо известно, и не в тупиковом варианте диалога с самим собой (как предлагает Шостром), а в живом обращении к Богу, который любит меня больше, чем я могу сам себя любить.

На службе обществу – неверующий священник?

И уж, конечно, психологи, ищущие пути оздоровления общества, не могут пройти мимо такого мощнейшего христианского установления, как институт пастырства. Христианство создало новый, невиданный в древнем мире тип взаимоотношения между учениками и учителем. До того как Христос сказал: "Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец" (Ин. 10, 11), – мир знал только один тип обучения. Становясь учеником ремесленника, философа или гуру, юноша или взрослый фактически принимал на себя функцию его раба, его слуги. В христианстве учитель и руководитель становится не повелителем, а пастухом. Но он не наемник, формально исполняющий свои обязанности, нет, каждая овца ему дорога, к каждой овечке его сердце отзывается теплом и ласковой заботой. Несмотря на то, что Реформация потрясла все основы христианства на Западе, руководитель общины и в протестантизме по прежнему называется пастором. В любой христианской деноминации церковное руководство не мыслится иначе как пастырство.

Вот чего сейчас не хватает, вот что нужно внедрять в обществе! – скажет любой психолог. И действительно, с начала XX в. в моду входит психоанализ и

психотерапия, имитирующая церковную исповедь. Но у Эверетта Шострома, возглавляющего в Америке институт, как раз занимающийся психологическими консультациями, это не вызывало эйфории. Он-то понимал, что функцию религиозного руководителя ничто не может заменить, она уникальна. Но Шостром, будучи неверующим, разумеется, рассматривал роль священника с точки зрения социальной профилактики. У него, конечно, есть свое представление, каким должен быть священник-пастырь, распространяющий вокруг себя атмосферу психического здоровья – он не должен быть манипулятором.

"Манипулятор мнит себя Младшим Богом, которому позволено управлять жизнями других людей с помощью манипуляций, – утверждает психолог и далее развивает свою мысль: – Актуализатор предлагает гуманную веру в себя и при этом трезвую самооценку. И любовь к себе – вопреки тем недостаткам, которые он в себе обнаружил. В очень глубоком смысле актуализатор – это религиозная натура, которая убеждена, что работа природы над его созданием заслуживает доверия и благодарности".

Манипулятор Шострома, безусловно, – неприятный тип. А вот его актуализатор, которого он называет религиозной натурой? Кому или скорее чему он благодарен за свое создание, когда говорит о Природе? Может ли актуализатор Шострома обратиться к Тому, Кто его сотворил, как к Личности Ты, если называет Его всего лишь природой? Понятно, что Бога-природу он не может признать Личностным Существом, Тем, Кто сотворил мир и человека и любит его больше, чем каждый человек может любить себя. Не может признать Его Тем, радостная встреча с Которым является смыслом жизни. А если нет, то как можно такого "актуализатора" называть религиозным человеком? Мировоззрение, в котором весь мир в его материальной совокупности объявляется Божеством, называется пантеизмом (от греческого "пан" (pan) – всё и "теос" (theos) – бог). Пантеист ощущает себя частью божества, поскольку является частью этого мира. А если он сам – внутри божества как его часть, то и личностная встреча с божеством невозможна. Да пантеисты и не считают, что Бог обладает качествами личности. Так что если актуализатор Шострома испытывает благодарность и доверие к безличностной природе, то вот она, его религия – пантеизм без встречи с Богом, а поэтому и без подлинной встречи с человеком! Ведь священник-актуализатор Шострома "предлагает <...> веру в себя и <...> любовь к себе" даже вопреки своим явным недостаткам! В конечном итоге пантеистическая вера обращается примитивным эгоцентризмом и необузданной гордыней. Может ли такой человек быть открытым к подлинному межличностному общению?..

Если одни психологи хотели бы заменить христианское пастырство психотерапией, то другие, как Шостром, делают попытку пастырское руководство приспособить под общество потребления. Да так, чтобы ничего не пришлось менять в его безрелигиозной системе ценностей. "Актуализирующийся священник перестает быть судьей или пророком, – продолжает Шостром моделировать свое представление о задачах священника, – зато становится несравненно ближе к своим прихожанам. Он не поучает, а соучаствует в жизни прихожан, развивается и растет вместе с ними. Он – консультант, а не Младший Бог".

Интересно было бы выяснить, в каком качестве шостромовский актуализирующийся священник, который, естественно, к Богу может относиться только так же, как сам Шостром (то есть не признавать в Нем Личность), должен "соучаствовать в жизни прихожан, развиваться и расти вместе с ними"? Если для него не существует

реальности общения с Богом – традиционной области пастырства в христианстве, то в чем он может быть консультантом? По-видимому, в каких-то жизненных экзистенциальных проблемах. Но ему нельзя терять имидж "высшей власти" – без этого он не "священник"! В таком случае, чем он отличается от Младшего Бога, то есть священника-манипулятора? Едва ли на этот вопрос смог бы ответить даже сам Шостром, который не ведает реальностей иных, чем собственная индивидуальная личность. Для него не существует личности Бога как ценности самой по себе (как, впрочем, и личностей других людей). Для Шострома ценно только то, что может ему что-то дать.

Да, христианский священник не должен ощущать себя судьей или "посвященным" над толпой, потому что его задача не в том, чтобы распутывать житейские проблемы прихожан. Он поставлен служить делу единения людей с Богом. Если у него не будет хоть сколько-нибудь собственного опыта живой встречи с Богом, то он неминуемо становится "слепым вождем слепых" (Мф. 15, 14), как Христос называл фарисеев. Критику клерикализма Шострома отчасти нельзя не признать справедливой. В данном случае он выступает против религиозной нетерпимости, безусловно распространенной во всех христианских деноминациях, которую проще всего назвать новозаветным словом "фарисейство". Ошибка Шострома здесь в том, что причастность человека к религии он рисует как взаимоотношение с таинственным кланом жрецов и священников, а не с Богом! На самом деле священник – это не "полубог" из греческой мифологии, но такой же человек, как и все, с присущим всем людям религиозным чувством и жаждой встречи с Богом, может быть, чуть более обостренными, поскольку он решил взаимоотношение с Богом сделать главным делом своей жизни.

Религия без Бога современной западной цивилизации

Идеологи современной цивилизации не считают, что религию пора сдавать в музей – нет, она еще может пригодиться! Для нее находят посильную задачу – обеспечить комфортное функционирование людей-винтиков, приводящих в движение цивилизацию потребления. Понятно, что в этом случае религия воспринимается не более чем система психотерапевтической профилактики. С этой точки зрения Э. Шостром и рассматривает религию: "Не скажу ничего нового: религия, как и жизнь, может быть манипулятивной и актуализационной. Манипулятивная религия – это та, которая заставляет человека поверить в собственное несовершенство. Она вселяет в него недоверие к собственной природе, после чего человек начинает испытывать потребность во внешней религиозной системе".

Не только любая вещь, но и любое дело может быть исполнено правильно и неправильно. Христианская традиция также усматривает во взаимоотношении человека с Богом (то есть религии) различные уровни правильности. Авва Дорофей, например, в соответствии с Писанием выделял три типа отношения человека к Богу: раб, подчиняющийся Ему из-за страха наказания; наемник, работающий за плату; и сын, которым руководит любовь к Отцу. Третий уровень соответствует совершенству. По словам св. апостола Иоанна Богослова: "В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви" (1 Ин. 4, 18). Если христианство и не отвергает "рабов" и "наемников", то только потому, что рассматривает их устройство как путь к любви.

Служители "мира сего" по-другому разделяют религию на "плохую" и "хорошую". "Актуализированная же религия, – далее раскрывает Шостром свое понимание положительного полюса религии, – позволяет нам поверить, что Царство Божие внутри нас и что доверие своему естеству (тому, что есть) не что иное, как высшая форма религии". Итак, по Шострому, недоверие себе – плохо; самоуверенность хорошо. В таком случае любой верующий, признающий над собой власть и Промысл Божий, жертва манипулятивной религии. "Хорошая религия" поэтому, по Шострому, – это вера в себя, плохая – вера в Бога! Ну а верующий в "недоверии к собственной природе", которое осуждает Шостром, может увидеть лишь признание перед Богом своей неспособности сопротивляться греху. Пожалуй, можно допустить, что манипулятивным (читай – "плохим") вариантом религии Шостром называет тот же уровень раба, то есть выполнение религиозных предписаний из страха. Но Шострому, кроме рабского, неизвестны никакие другие уровни. То, что он считает "хорошей" религией, – идолопоклонство самому себе.

Когда автор говорит о манипулятивной религии, вселяющей в человека недоверие к собственной природе, то что он может при этом понимать под внешней религиозной системой? Ясно, что здесь не может идти речь о Боге... Как уже само собой разумеющееся Шостром предполагает, что человек становится жертвой манипуляторов жрецов и священников, которые, собственно, ради своих корыстных целей и внедряют в сознание людей потребность в этой "внешней системе". А ни какого Бога, Который слышит и к Которому можно обращаться, на самом деле нет... Но, может быть, – хочется возразить ему, – люди все-таки испытывают потребность не в системе, а в Боге, Который тебя любит и Которого радостно любить?!

Актуализатор Шострома готов доверять своему естеству и даже восхищаться творением рук Божественных, но совершенно не готов и не желает доверять Самому Богу. Почему же для него вера в свое естество или во что угодно иное, не имеющее качество личности, спокойнее, чем вера в Бога-Личность, любящего и требовательного? По большому счету ответ понятен: "естество" не потребует ответственности за прожитую жизнь, вера в него как-то спокойнее... И эту веру в собственную природу без намека на признание Личности Бога Шостром называет "высшей формой религии".

"Актуализированная религия, – продолжает он приспособливать религию под свои терапевтические задачи, – нацелена на то, чтобы способствовать росту индивидуальности и направлять ее на гуманные цели". Интересно получается. Если Шостром не признает Бога, то на какие гуманные цели, по его мнению, должна быть направлена религия и какому росту индивидуальности она должна способствовать? На самом деле, как это показала история коммунистических режимов, от религии без Бога трудно ожидать что либо иное, кроме тотального подавления личности под гнетом идеологии.

Значит, цель религии (как ее понимает Шостром) – не Бог, а некие цели, гуманность, то есть полезность которых каждый определяет сам для себя. Это – предел индивидуализма и одиночества! Хотя в некотором смысле это может соответствовать сознанию "наемника", правда, не в полном смысле, поскольку "наемник" все же вступил во взаимоотношения с Богом, он ожидает от Него определенной награды за свой труд. Человеку же, принадлежащему к "актуализированной религии" Шострома, не с кем вступать во взаимоотношения – не с собственным же естеством! Такой человек, как утверждает Шостром, доверяет

"своему естеству" как "творению рук Божиих", но по какой-то трагической причине ему не приходит в голову от "творения" обратить свой взор к Творцу...

Путь, Истина и Жизнь... В чем же все-таки смысл жизни...

Вопрос о смысле жизни сейчас чаще всего приводят в качестве примера пустой риторики. Тем не менее для себя каждый имеет какой-то ответ, даже если ответ этот: "Просто жить, чтобы наслаждаться жизнью".

Человек – единственное существо на Земле, обладающее сознанием. Поэтому и сам вопрос о смысле жизни, и ответы на него связаны с этой способностью человека. Способность эта сознать, то есть не только получать познание от соприкосновения с миром, но с радостным удивлением узнавать, что именно во мне появились эти знания, что это именно я живу в этом мире! Более того, с этой способностью самосознания связан практически любой ответ на вопрос о смысле жизни – связан в том отношении, что единственная цель жизни, которую человек разумно может назвать, состоит в самом процессе осознания жизни, наблюдения-участия в ней. В христианской традиции даже появилось слово "созерцание", похожее на "сознание". Созерцать – это одновременно и видеть нечто, и видеть себя видящим... Любой ответ о смысле жизни включает в себя это состояние.

На вопрос о смысле жизни принципиально возможны два ответа: жить, чтобы созерцать мир и себя в нем; и жить чтобы созерцать Бога и себя, общающегося с Ним. Второй ответ, разумеется, включает в себя радость соучастия в мире, сотворенном Богом, созерцание этого мира: природы и людей, личностный контакт с ними; и, одновременно, созерцание себя самого, действующего в нем и созерцающего его.

То есть неверующий и верующий понимают смысл жизни наполовину одинаково. Просто неверующий не ведает той части бытия (она, конечно, неизмеримо превышает половину), в которой верующий знает Бога. Потому он и не понимает верующего, что не имеет его опыта.

А верующий вполне владеет опытом созерцания мира, которым ограничивается неверующий. Верующий поэтому прекрасно понимает, о чем говорит Эверетт Шостром, когда учит, как нужно "жить", и готов согласиться с ним (касательно, разумеется, только "земной" половины взаимоотношения с бытием):

"Актуализатор понимает, что жизни вовсе не обязательно быть серьезной игрой, скорее она родственна танцу. Никто ведь не выигрывает и не проигрывает в танце; это процесс, и процесс приятный. Актуализатор "танцует" среди своих разных потенциалов. Важно радоваться процессу жизни, а не достижению целей жизни. Актуализирующимся людям поэтому важен и нужен не только результат, но и само движение к нему. Они могут радоваться процессу "делания" так же и даже больше, как и тому, что они делают. Многие психологи уверены, что актуализатор способен превратить в праздник, в увлекательнейшую игру самую рутинную деятельность".

В чем же заключается и из чего может состоять процесс жизни, участие в котором, "как в танце", по утверждению Шострома, должно приносить радость? О, если человек не превратился в машину, куда бы он ни кинул взгляд, все его радует! Кусочек неба в разрыве облаков, пчела на цветке, даже в луже можно видеть звезды, как сказал кто-то из великих. Но особенно человека радует, что он может что-то в

этом мире творчески упорядочить, созидать художника всегда радует творение его рук. Мир необъятен и прекрасен, он волнует и влечет. Но человек неодинок в этом мире, а в каждом окружающем его другом сокрыт еще более необъятный и влекущий мир! Мир природы открыт для созерцания, но не отвечает человеку, он пассивен. Насколько богаче познание другой личности, ее мира, насколько интереснее тот, кто с надеждой и радостью заглядывает в твою душу! Насколько встреча с личностью радостнее встречи с предметом, даже прекрасным и совершенным!

Итак, попытавшись перечислить то, в чем состоит процесс жизни, участие в котором приносит человеку радость, мы обнаружили два типа взаимодействия: с окружающим миром и взаимоотношение с людьми. Принципиальное их различие в том, что познание мира природы – это диалог с самим собой, а познание внутреннего мира другого человека – это уже диалог с другой личностью.

Но вот человек остался наедине с собой, внутренне "отключился" от взаимодействия с миром и людьми, прекращается ли процесс – "танец" жизни? Конечно, нет! Человек теперь полностью во власти взаимодействия с самим собой, он познает самого себя, он погружается в самую большую для себя загадку – тайну собственной души. Здесь уже все переполнено радостью, поскольку человек с удивлением созерцает собственные глубины. Фраза: "я мыслю, следовательно существую" – предельно коротко выражает суть философии, но она ведь наполнена переливающейся через края радостью, которую невозможно скрыть. Однако обнаруживает ли человек в своей душе только радость и блаженство, или он также встречается со страданием и мукой?

Да, в процессе участия в жизненном "танце" человек встречается не только с тем, что его радует, он также вынужден принимать огорчения, боль, страдания... Конечно, в мире много зла и агрессии, отравляющей радость жизни, но и в самом себе человек находит ад неудовлетворенности, пустоты, тоски, непонятной тревоги... "Американский образ жизни", сформировавшийся не без влияния Дьюи, Карнеги, Шострома и других идеологов имиджа процветания, по сути дела, стоит на том, что во всех огорчениях виноваты мы сами, если не относимся к жизни, по совету Шострома, как к танцу или игре. Их рецепт уж очень прост: уйти от того, что меня мучит во мне самом, и перенести внимание на то, что может радовать вне меня. Но ведь это же во мне остается... Если его отсечь от себя, будет прямая деформация, ущемление личности.

Шостром на самом деле обеднил, если не исказил представление о жизни-процессе большинства философов XX в. Переживания духовного плана: муки сомнения, озарения истины, все желания и искушения они ставят в один ряд с событиями внешними. В действительности внутренние события для нас даже важнее, потому что они неотвратимее, от них не отойдешь в сторону, они часть нас самих.

И все же, что скорее заставляет человека мучительно искать ответы на вопросы: кто я? почему я здесь? кто вызвал меня из небытия? что меня ожидает? Всем очевидно, что не во время безмятежного наслаждения жизнью эти вопросы встают перед человеком. Скорее их порождают проблемы, которые жизнь ставит перед ним. Скорее они возникнут в период какого-то внутреннего душевного кризиса. Ведь греческое слово "кризис" и означает – суд. Это суд над самим собой.

И еще один важный момент. По мысли Шострома, для счастья человек должен "радоваться процессу жизни, а не достижению целей жизни". Но разве мы не знаем, что все беды человеческие происходят от того, что чем больше человек получает,

тем еще большего хочет и от этого испытывает глубокие муки неудовлетворенности. Здесь не важно, к чему он стремится к процессу или результату. И такая перспектива упирается в бесконечность. Человек готов бесконечно удовлетворять бесконечную жажду, если бы не смерть! Как обидна эта "несправедливость"! Я хочу продолжать так жить бесконечно, а жизнь моя ограничена смертью. Только перед лицом смерти человек способен по-настоящему осмыслить свою жизнь. Даже неверующие философы, такие, как Мартин Хайдеггер, понимают, что, если бы смерти не было, жизнь потеряла бы свой смысл.

Человек решился всерьез и до конца искать ответ на "проклятые" вопросы; откуда я? и в чем смысл этого моего существования? Может ли он, по совету американских психотерапевтов, остановиться на ответах типа: смысл жизни в самой жизни и наслаждениях, которые она дает? Сделать это можно, но это будет вивисекция по живому, "отсечение" от своей души именно той ее части, в которой ощущается бесконечность.

Да, конечно, можно отказаться от поиска смысла жизни и довольствоваться наслаждением только процессом жизни, питать к ней, так сказать, чисто спортивный интерес. Но ведь и в спорте, который в конечном итоге нацелен на так называемый "большой спорт" и им вдохновляется, есть весьма определенно выраженная цель – рекорд! И есть весьма немало людей, которые ради этой цели – рекорда (то есть в переводе на русский – записи своего достижения) – готовы всю без остатка жизнь посвятить физическим упражнениям. Что для них является целью: процесс физических нагрузок, рекорд, а может быть, даже денежное вознаграждение за него?

Однако для еще большей части людей никакой процесс жизни с ее наслаждениями не заменит цели, находящейся вне этой жизни. Для них жизнь была бы абсолютно бессмысленной, если бы после всех ее творческих, спортивных, эстетических и прочих наслаждений следовало полное прекращение бытия – небытие смерти. Это те, кто хотят честно смотреть в глаза самому себе, получить полный ответ на вопрос: что значит, что я есть и что меня ожидает, и есть ли во всем этот какой-нибудь смысл? Это – верующие люди.

От себя, от своего бытия, созерцания мира, всего творения мысль человека невольно переходит к Творцу. Кто все же стоит за всем этим? Действительно ли "нет в творении Творца и смысла нет в молитве"? Но почему же тогда так трепещет радостью все творение, так волнует человека невнятным ожиданием? Какой Он, добр, зол или равнодушен... И может ли вообще кто-то дать на это ответы... кроме, пожалуй, Его Самого!

Так в поисках ответов на вопросы своего существования человек наконец решается, пугаясь собственной дерзости, обратиться к Нему: "Ты", то есть вступает с Ним в личностные отношения. И тогда он находит ответы на все свои вопросы. Нельзя к Нему относиться как к предмету, подвластному мне, моей мысли и моему рассудку. С Ним можно только общаться, можно просто тихо любоваться Им, созерцать Его ласковый любящий взгляд, всегда лучащийся прямо мне в душу. Ведь Он всегда готов ради меня взойти на крест... Он, сотворивший мир, людей, оказывается, так любит именно меня, а не только все человечество! Конечно же, единственный смысл жизни в том, чтобы вот так всегда оставаться с Ним.

Любопытно, что, хотя сам Э.Шостром не ведает личностного бытия Бога, его принцип радостного созерцания мира и людей и соучастия в их бытии вполне можно отнести к взаимоотношению с Богом. Смысл жизни – в единении любви с Богом. Но Бог не

хочет, чтобы наше общение замкнулось только между Ним и мной. Для Него все, кого Он сотворил, это – не бесконечное математическое множество, каждый Ему лично дорог. И Он хочет, чтобы все они присоединились к нашей взаимной любви. Христос молит Отца: "Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня" (Ин.17, 21). Поэтому Христос основал Свое сообщество, Церковь, присоединяясь к которой человек соединяется с Богом и Его любимыми детьми в единении любви.

Быть "здесь и сейчас"

Итак, цель – всегда находиться в личностном единении с Богом, созерцании Его любви. Человек знает, с чем ему надо бороться, чтобы достичь ее. Казалось бы, если задача ясна, что может быть проще: планомерно идти к поставленной цели! Но, оказывается, не все так просто. То, с чем человек сталкивается в реальности, христианская догматика называет "помрачением", "ослаблением" ума, чувств и воли (основных способностей человека – образа Божия), которое произошло в результате первородного греха. Помрачение ума, в частности, сказывается в рассеянности сознания, в том, что приходится затрачивать невероятные усилия для "собираения", сосредоточения ума. Да к тому же всюду подстерегают опасности: тренируя ум, закрепляя навык концентрации, легко отклониться от первоначальной цели, от созерцания Любящего Бога, легко увлечься самим процессом, найти в нем "спортивный" интерес!

Христианская традиция имеет огромный опыт, целую науку, как правильно собирать свой ум, достигая "духовного трезвения", как побеждать рассеянность, то есть когда внимание привлекают сразу множество противоречивых желаний. Это – многовековой опыт святых отцов. Только за первое тысячелетие христианства отцы оставили добрую сотню объемистых томов. Недостатка в "учебниках" духовной жизни нет. Сегодня главная проблема в другом, в том, что наш теперешний опыт слишком далеко ушел от обыденного мироощущения тех, кому адресовали свои книги отцы. Мы мыслим другими категориями, категориями своего опыта. Попросту говоря, сегодня приходится преодолевать разрыв, чтобы подняться до ступени, которую отцы считали "нулевой", начальной.

Есть моменты, которые тогда были естественными для всех и которые в условиях ритмов жизни рубежа XXI века стали совсем другими. Речь пойдет о самоощущении человека, о его ощущении собственного бытия. Или, что то же самое, ощущении им текучести времени. Вот как митрополит Антоний Сурожский образно раскрывает типичное состояние современного человека: "Мы все находимся во власти времени, но по своей вине, время тут ни при чем. То, что время течет, и то, что мы куда-то спешим, две совсем разные вещи. Спешить – это внутреннее состояние; действовать быстро, точно, метко – это дело совсем другое. Примером возьмите вот что: бывает, на каникулах в деревне идешь себе по полю быстро, бодро, живо и никуда не спешишь, потому что спешить некуда: а иногда видишь: человек несет два чемодана да еще три куляка, и страшно спешит, – а движется, как улитка. Поспешность заключается в том, что человек хочет быть на полвершка перед собой: не там, где он находится, а все время чуть впереди".

Современный человек всецело захвачен множеством своих желаний и устремлений, так что у него не остается сил ощущать самого себя. Безусловно, не только жизнь, расписанная по минутам, подчиненная работе и транспорту, способствует этому. В

особенности причиной этому служит поток масс-медийной развлекательной информации, который во много раз превышает способность человека улавливать, усваивать и получать удовольствие. Он особенно дробит и рассеивает наше внимание.

Владыка Антоний Сурожский объясняет суть того, что происходит с современным человеком. Для этого он использует противопоставление момента текущего времени, то есть настоящее, в котором мы, собственно, живем, будущему и прошедшему, которые мы переживаем не в их реальности, но только в ожидании или воспоминании. Ощущение мига настоящего у современного человека особенно часто вытесняется именно ожиданием. Это значит, сейчас, в этот текущий момент, мы живем ожиданием того, чего еще нет, а не тем, что миг может дать, что реально есть.

"Я обнаружил какое-то качество времени в очень, в общем, удачных обстоятельствах, – с обычной для него самоиронией, когда приходится вести о себе речь, иллюстрирует свою мысль Владыка. – Во время немецкой оккупации в Париже я был офицером Французского Сопротивления, и меня арестовали... Случилось это так: я вошел в метро, и меня сцапали. В тот момент я обнаружил, что прошлое мое ушло по двум причинам: во-первых, потому что если меня куда-то денут, никакого прошлого больше нет, я буду сидеть, а что было раньше – меня определять уже не может; во-вторых, все, что на самом деле было, меня поведет на плаху, и поэтому этого не должно быть, это прошлое надо начисто отсечь и тут же выдумать такое прошлое, которое бы пригодилось. Будущее, если вы задумаетесь над собой, существует у нас, поскольку мы его можем предвидеть и планировать. Например, когда идешь в полной тьме, в темноте, – будущего нет; идешь и ничего не ожидаешь, хотя ко всему готов. То будущее, к которому мы постоянно стремимся, только потому реально, что оно или наглядно у нас перед глазами, например, уходящий автобус, или потому, что мы к нему идем: я иду домой, я иду в кинематограф... Но если это отсечь, если осознать: вот, меня сейчас взяли, я совершенно не знаю, что будет; он меня может ударить в лицо, он меня может застрелить, он меня может посадить в какую-нибудь немецкую каталажку, он может что-нибудь другое сделать, и каждое мгновение будет так, то есть не будет мгновения, когда я буду знать, что случится в следующее. В таком случае, оказывается, и будущего нет".

Современный человек прежде, чем понимать учение святых отцов о духовной брани, должен осознать опыт, на который опираются отцы и которого ему так не хватает. Это – опыт глубокого самосозерцания, без которого невозможно созерцание Бога. Для активизации этого опыта митрополит Антоний в данном случае обращается к временной модели – задерживающей внимание на миге "сейчас". Ведь я весь, все мое бытие умещается в точке, в которой будущее превращается в прошедшее. "Мы живем, словно настоящего нет, – объясняет этот опыт митрополит Антоний Сурожский, – знаете, как бы перекатываемся из прошлого в будущее. А настоящее – это то мгновение, когда перекатываешься; и на деле оказывается, что единственное реальное мгновение – это теперь, теперь я весь тут".

Тот же самый опыт можно проиллюстрировать и другой моделью – пространственной: "И тут я понял то, – продолжает владыка Антоний, – что имеет в виду один из отцов-аскетов пятого века, когда говорит: если хочешь молиться, вернись весь под собственную свою кожу... Мы ведь не живем под своей кожей; мы живем тут, там, здесь".

Надо предельно реально ощутить себя именно здесь, в пространстве, занимаемом моим телом, а не где-то там, куда уносят меня рассеянные мечты. "Если подумать о

жизни вообще, делает заключение владыка Антоний, – мы не под своей кожей живем, мы расползлись во все стороны вожделениями, желаниями, дружбами, враждами, надеждами, устремлениями – чем хотите. Я не хочу сказать, что все это плохо, я только хочу сказать, что фактически под кожей остаются только внутренние органы, но человек весь вне себя, как выплеснутая из кадки жидкость".

Итак, что можно заключить об условиях возвращения "под свою кожу" – быть "здесь" или возвращения в настоящее – быть "сейчас"? Случай, рассказанный владыкой Антонием о его аресте в парижском метро, указывает, что у человека должны возникнуть очень веские причины отказаться от ожидания чего бы то ни было и от прокручивания в памяти любых воспоминаний. Более того, вернувшись в себя самого даже в такой отчаянной ситуации, человек понимает, что быть "здесь и сейчас" – непередаваемое блаженство. "Только тебя возьмут так, в метро, – делится о пережитом владыка Антоний, – и чувствуешь, как ты к этой коже привык, и как она тебе нравится, и как тебе не хочется, чтобы с ней что-нибудь нехорошее было, – это раз. Во-вторых, оказывается, что под кожу влезть можно, что в ней сидеть уютно, что настоящее – единственное реальное и что в этом настоящем ужасно хочется остаться".

Только став самим собою, ощущая себя "здесь и сейчас", человек способен оценить, что такое он есть. И только находясь в состоянии внутреннего мира, человек способен по-настоящему думать о Творце и искать с Ним встречи. В противном случае его мысль и чувство уже заняты мечтами и для Бога в его сознании места уже не остается. Однако сама по себе актуализация настоящего, "возвращение к себе", еще не гарантирует, что человек автоматически познает Бога. Ведь к этому же самому, быть "здесь и сейчас", призывают и неверующие психологи, и, однако, они остаются не ведающими Бога!

Время и Вечность

Обращение человека к Богу может состояться, если только человек всецело находится "здесь и сейчас". Овладение тайной времени совершенно необходимое условие для этого.

Главная помеха – рассеянность ума. Когда человек занят каким-то простым делом, например, домашней уборкой, или привычно ведет машину, его внимание сосредоточено на тех несложных операциях, которые он выполняет. На деле только часть внимания, привычные действия он выполняет механически. Одновременно его рассеянная мысль блуждает по обрывкам воспоминаний и нерешенным проблемам. В этом случае нет и речи о всецелом ощущении себя "здесь и сейчас". Когда человек занят более сложным делом, требующим полного внимания, увлечен разговором, чтением, этого нет тем более. Когда же он никуда не идет, нигде не ожидает своей очереди, он – дома, один, и не засыпает от усталости, то ощущает ли себя "здесь и сейчас", если ничем не занят? – Да нет, конечно! – скажете вы, – он включит телевизор или музыку, пролистает газету с рекламой... чтобы не было скучно.

Современный человек отвык даже изредка заглядывать в себя, не то что жить в непрерывном созерцании мира изнутри своего "я". Он даже не подозревает, что может быть по-другому. Святые отцы в своих книгах опираются на совершенно иной опыт своих читателей. Суть этого христианского опыта для нашего современника раскрывает митрополит Антоний Сурожский следующим примером: "Когда вы едете на машине или в поезде, машина движется, а вы сидите, книжку читаете, в окно глядите, думу свою думаете; так почему не жить так, почему нельзя, например, быстро ходить, руками что-то делать – и одновременно быть в полном стабильном покое внутри? Можно! Это показывает опыт,

причем не святых, а самых обыкновенных людей. Но для этого надо учиться останавливать время, потому что (к сожалению!) не каждого из нас арестовывают, и поэтому некому учить постоянно".

Юмор митрополита оценить современный человек может, а вот как осознать, что стоит за выражением "останавливать время"? Но Сурожский владыка не был бы так известен и любим, если бы не знал, что нужно нашему современнику, собирающемуся жить в XXI веке, который не знает, что такое аскеза, но прекрасно понимает, что такое "тренинг". "Я вам дам два упражнения, – продолжает митрополит Антоний, – и упражняйтесь; если вы сумеете это сделать, то они вас научат всему прочему.

Первое, очень простое: когда нечего делать, когда время есть, сядьте на пять минут и скажите себе: я сейчас сижу, ничего не делаю, и делать ничего не буду в течение пяти минут, я только емь... И вы увидите, что это удивительное чувство, потому что мы очень редко обнаруживаем, что "я емь", мы почти всегда ощущаем себя как часть какого-то коллектива и частицу по отношению к окружающим. Вот попробуйте".

Интересно, что примерно о том же говорят и психологи. Американец Эверетт Шостром называет актуализатором тот тип поведения, который считает идеальным. "Актуализатор, – говорит он, – обладает редким и прекрасным даром извлекать чувство своей ценности здесь и сейчас. <...> Для того чтобы жить полной жизнью в настоящем, не требуется никакой внешней поддержки. Сказать "Я адекватен сейчас" вместо "Я был адекватен" или "Я буду адекватен" значит утвердить себя в этом мире и оценить себя достаточно высоко. И – по праву".

Если все же задуматься, одинаков или различен переживаемый опыт, который митрополит Антоний передает словами "Я емь", а Э.Шостром – "Я адекватен сейчас"? Адекватен – значит равен, полностью соответствую. Тренинг Шострома замыкает человека на самого себя: я равен себе, я есть я. Есть ли еще что-то или кто-то – меня не интересует, это совершенно безразлично для моей самоидентификации. Его опыт – опыт гордыни и в конечном итоге полного отчуждения. Описание опыта самоидентификации митрополита Антония принципиально отличается даже по грамматической структуре. "Я есть" – никуда не замыкает субъект "я". "Емь" – значит открыт для всех контактов с миром, людьми и Богом.

"После того, как вы научитесь, когда нечего делать, ничего не делать (чего, вероятно, никто из вас по-настоящему не умеет), – дает второе упражнение митрополит Антоний Сурожский, учитесь останавливать время, когда оно бежит. И когда вам кажется, что без вас мир не устоит: "вот, если я не сделаю, все начнет рушиться, мироздание поколеблется", – вспомните, что без вас почти две тысячи лет христианство существует, не говоря о Вселенной, которая давным-давно существует до нас – и отлично существует. И научитесь останавливать время в такой момент, когда оно естественно не стоит, когда застоя нет никакого. Для этого, в момент, когда вы заняты, скажите: теперь стоп, я высвобождаюсь из своей занятости... Я, например, сейчас читаю с увлечением. Стоп на пять минут. Откидываюсь, сажусь, молчу, не смею думать ни о чем полезном, движущемся. Я емь перед Богом... Это трудней. Когда учишься, это не так трудно сделать, потому что отвлечься от учения вряд ли большое горе. А вот когда читаешь какой-нибудь интересный роман, сказать себе: я посреди следующей страницы остановлюсь, вот на этой шестой строчке, где нет даже запятой среди фразы, остановлюсь, чтобы время остановить, – это труднее".

В чем аскетический смысл второго упражнения, предложенного митрополитом Антонием? "Останавливать" время в момент, когда ты занят захватившим тебя интересным делом, это значит преодолевать рассеянность ума и возвращать свое внимание внутрь собственного существования. Это означает вести борьбу с самим собой, и очень непростою.

"Когда научитесь это делать, – далее усложняет задание владыка Антоний, – учитесь останавливать не только чтение, но и событие, скажем, выключаться из разговора. Три-четыре человека разговаривают, и вы тоже; откиньтесь внутренне, влезьте под кожу, как улитка в раковину, и побудьте в сердцевине своего бытия, в том, что аскетическая литература называет сердцем; не в каких-то эмоциях, а именно исихией, в безмолвии, в отсутствии молвы".

Это упражнение несет еще более сложную аскетическую задачу. Что значит "выключаться" из событий, когда ты находишься в их гуще? Ведь это не означает прекращение контакта с внешним миром. Человек разговаривает, участвует в каком-то общем деле, создающем повышенную эмоциональную "температуру". И, однако, он ни на секунду не теряет ощущения "я есмь". Все, что он говорит и делает, он выносит из глубокого осознания себя, своего состояния, мотивов своих решений. И при этом остается в глубоком внутреннем покое.

Цель, ради которой даны эти аскетические упражнения владыки Антония, одна – научиться подлинно быть собой, когда не остается помех для обращения к Богу, единения с Ним в любви. "Если вы научитесь это делать, – говорит он, – то увидите, что можете читать, петь, работать, разговаривать и ни одной минуты не терять молитвенного состояния". Почему "остановленное время" митрополит Антоний называет "молитвенным состоянием"? Молитва в конечном итоге – это сопребывание с Богом. Еще оставаясь внутри потока времени, благодаря молитве человек уже причастен Вечности.

Под Вечностью христианство понимает не бесконечно тянущееся время, наподобие бесконечной прямой линии, проводимой мысленно в геометрии. Вечность – это иное качество бытия, иное его наполнение. Но человеку, находящемуся еще во времени, станет отчасти понятно, что такое Вечность, если он все свои ощущения сосредоточит на миге настоящего, который только один реален, он не ожидается и не вспоминается, он – есть. Если вслушиваться в длящийся миг настоящего, слиться с ним, время отразит вечность!

Чем наполнена Вечность, к которой мы стремимся? Разумеется, это – не ощущение себя в бездне космического одиночества – вот уж ад, ужаснее которого трудно представить! Вечность блаженна, она наполнена встречей и любовью; встречей с Тем, в Ком я нуждаюсь единственно по-настоящему. Вечность наполнена единением с Ним в любви, радостным единением со всеми, кто Ему дорог.

Список литературы

1. Карнеги Дейл. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Пер. с англ. "Прогресс"- "Ишyg", М.-Баку
2. Шостром Эверетт. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. Пер. с англ. ТПЦ "Полифакт", Минск, Моск. изд. группа, 1992
3. Зинченко В.П., Жуков Ю.М. Предисловие кн.: Карнеги Дейл. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Пер. с англ. "Прогресс"- "Ишyg", М.-Баку, 1990
4. Фромм Эрих. Здоровое общество. Пер с англ. В кн.: Психианализ и культура. М. Юрист, 1995 (Серия "Лики культуры")
5. Рассел Бертран. История Западной философии. Новосибирск, 1994

6. Дорофей, авва, преп. Душеполезные поучения. Изд. 8. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1900 (см. репринт Тула, 1990 и др. переиздания).
7. Святитель Григорий Богослов Творения. Репринт. Св. Троице-Сергиева лавра, 1994
8. Тихон Задонский, святитель. Творения. 1889 (Репринт Псково-Печерского монастыря, 1994)
9. Дорофей, авва, преп. Душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов и ответов на оные Варсонуфия Великаго и Иоанна Пророка. ТСЛ, 1900, репринт: Тула, 1990.
10. Антоний, митрополит Сурожский. О некоторых категориях нашего тварного бытия. В кн.: О встрече. Сатис: СПб., 1994
11. Антоний, митрополит Сурожский. Молитва и жизнь. Балто-Славянское общество культурного развития и сотрудничества, Рига, 1992